

A close-up portrait of a woman's face, focusing on her blue eyes and gold glitter makeup. The background is dark with a glowing blue light source in the bottom right corner.

**Мое земное воплощение.
Миссия «Любовь»**

Алена Фаверо

Алена Фаверо

**Мое земное воплощение.
Миссия «Любовь»**

«Автор»

2023

Фаверо А.

Мое земное воплощение. Миссия «Любовь» / А. Фаверо —
«Автор», 2023

Амалия - психиатр из Новосибирска, ей почти 30, она одинока, отношения с токсичной мамой тоже не ладятся. Но есть то, что отличает ее от сотен тысяч женщин с похожей ситуацией - она помнит, что пришла на Землю из другого мира с миссией найти настоящую любовь. Амалию раздражает гравитация, физическое тело и пробки, а еще не интересуется никто из мужчин, кроме далекой школьной влюбленности. Дедлайн в один год вынуждает действовать, она понимает, что «старые ключи не открывают новые двери», поэтому старается действовать иначе, ведь важнее всего - скорее покинуть Землю. Случайность сталкивает Амалию с тем самым одноклассником Ником и, кажется, может что-то получиться. Но если это будет истинная любовь, захочет ли она уходить? В истории много неожиданных поворотов, эмоций, вопросов о выборе и смысле. Прорабатываются отношения с мамой, партнером и собой. Это книга для тех, кто видит, чувствует, понимает больше, чем показывает привычная реальность.

© Фаверо А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. 1 октября. Начало конца.	5
Глава 2. 2 октября. Готовность действовать.	7
Глава 3. 3 октября. Первый шаг.	10
Глава 4. 10 октября. Препятствие.	11
Глава 5. 30 октября. Шанс.	12
Глава 6. 1 ноября. Встреча.	13
Глава 7. 2 ноября. Мама.	16
Глава 8. 3 ноября. Новые ключи.	18
Глава 9. 4 ноября. Платье.	19
Глава 10. 1 декабря. Договор.	20
Глава 11. 2 декабря. Продолжение сна.	24
Глава 12. 3 декабря. Знакомство.	29
Глава 13. 4 декабря. Изменения.	33
Глава 15. 15 декабря. Семейные ценности.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алена Фаверо

Мое земное воплощение.

Миссия «Любовь»

Глава 1. 1 октября. Начало конца.

Последний земной год и, если не успею найти любовь, миссия обнулится.

Смесь из злости, грусти и обиды накрывает волной и заставляет открыть глаза. Снова воплотиться? Начать сначала? Отбрасываю одеяло и хватаю халат. Босиком топаю к окну, чтобы открыть шторы и впустить немного света. Распахиваю гардины и морщусь от пейзажа за окном. Новосибирск по-прежнему идеален. Для черно-белых фильмов и ссылок.

Отфильтрованное осенними облаками солнце проникает в комнату, ее вид смягчает ощущения от неприятных мыслей. Вот итальянское бархатное кресло, привезенное из Милана. На стене картина Фрейдуна Рассули «Путешествие домой». Испанская доска под ногами, четырехметровые потолки – сто двадцать квадратов моего идеального мира.

Иду в душ, горячие потоки воды помогают мыслить рациональнее. Итак, у меня год. Ни одного мужчины, которого бы я могла полюбить, еще меньше тех, кто мог бы полюбить меня. Протираю запотевшее зеркало. С той стороны моргают зеленые глаза, в обрамлении бесцветных ресниц, между ними – крупный нос с веснушками, ниже – губы, такие обычные, что их словно нет. Все это на рыжеволосой голове. Нелепое человеческое тело. Слишком тяжелое, слишком материальное, с коротким сроком службы. После высших миров, эти 185 сантиметров плоти с разными отростками – как отечественный автопром. Непрактично.

Я с детства отличалась от других ростом и внешностью, но не переживала из-за этого, потому что отчетливо помню другое воплощение, в котором туловище было покрыто скользкими щупальцами, которые росли прямо из головы. Которая одновременно являлась пищеварительной системой. Которая получала информацию через процесс переваривания. Я в прямом смысле думала жопой. Поэтому тело в отражении, кажущееся остальным людям нестандартным, для меня – подарок.

К сожалению, земляне ориентируются на заложенные местной эволюцией стандарты красоты и моя внешность попадает в категорию «на любителя», по версии всех, кто не поленился мне об этом сообщить. Это усложняет поиск партнера.

Ощущаю этот вторник не как очередной день рождения, а как последний рубеж. Готовность, смешанная с усталостью, бурлит как гейзерная кофеварка на плите. Вздыхаю всем телом.

Земля с этой ее гравитацией, сменой сезонов и честными выборами – в моем черном списке. Застрять здесь еще на десятки лет? Тело передергивает ознобом и ложка летит на пол. Гравитация.

Душа приходит в низшие миры, чтобы познать материальность и отделенность, это иллюзия, но даже я попадаю на нее, как будто погружаясь в игру.

Мой родной мир – крупнейший центр развития, объединяет 94 измерения и управляет ими. Мгновенная материализация, доступ к любым ресурсам, отсутствие времени. Объяснять устройство IC 1101 человеческими способами передачи информации – как рисовать ядерный двигатель мелком на асфальте.

Телефон, вибрируя, ползет по столу. На экране высвечивается имя контакта, и я делаю глубокий вдох, как перед прыжком в воду.

– Доброе утро. С днем рождения. – Обе фразы одинаковым тоном.

– Спасибо, мам, – отвечаю, наливая кофе в термокружку.

– Ты хоть заедешь сегодня? Или, как всегда, работа важнее? – она мастерски выделяет ключевые для манипуляции слова.

– Я заеду, мама.

– Торт купи, будь добра. Только не шоколадный. И не тот, что в прошлый раз. Где ты вообще берешь такие?

– В магазине, мам.

– Дорого, а есть невозможно. Лучше сама испеку, – без пауз доносится из трубки, пока я надеваю туфли.

– Хорошо, мама.

– А что ты без настроения? – звучит как утверждение.

– Все хорошо, собираюсь в клинику, – шумный вздох на том конце и затянувшееся молчание заставляет пожалеть. После упоминания работы всегда следует «притча» о том, как у тети Тамары сын – настоящим врачом стал, хирургом. А психов лечить – разве достойная профессия?

В этот раз лекции нет, видимо, в честь дня рождения. Нетерпеливо звеню связкой ключей.

– Ну тебе что, нечего матери сказать?

– Конечно есть, мам.

– Какая же ты эгоистка, – проговаривает трубка, добавляя тяжелые вдохи.

– Да, мама, – выхожу, не дожидаясь окончания диалога, – Взять шампанского?

– Ой, да ничего не надо мне от тебя

– До вечера, мам, – гудки.

Общаться эта женщина умеет только на языке критики и обесценивания. Она – сенсей манипуляции. Повышенный уровень сложности для прохождения опыта, как босс в видео игре. Только что бы она не сказала – мне «никак». Земля – не мой мир. И все, чего я хочу – вернуться домой, в IC 1101. А прямо сейчас – кофе.

Глава 2. 2 октября. Готовность действовать.

Зеваю и убавляю температуру в салоне. Утренние пробки на работу – ад, как на картинах Босха, с чертями и пеклом. Поглаживаю руль. Белоснежный кожаный салон – мой остров эстетики на колесах. А зачем еще нужны деньги? Как просто на Земле создавать доход и как сложно отношения.

Вздыхаю, вспоминая вчерашний вечер с мамой. Каждая поездка к ней – испытание на прочность, голодные игры и Форт Боярд в одном. Самый сложный, самый невыносимый и самый близкий для меня человек на Земле. Женщина, давшая жизнь этому физическому телу. Стараюсь испытывать хотя бы благодарность.

Моя миссия завершена на 94%, из которых пять – любовь с мужчиной, а последний – связь с матерью. Не знаю, что из этого сложнее, у нее только один трек на повторе: «Амалия, пора замуж и детей. Амалия, с таким характером ты никому не нужна. Амалия, ты эгоистка и проживешь всю жизнь в одиночестве». Припев: «Никчемная дочь». Ни финансовая стабильность, ни профессиональные успехи ее не волнуют. Все хорошее во мне для этой женщины скрывается в тени патриархальных представлений. Как бы я не пыталась, этот 1% стоит на месте уже много лет. И пока неясно, «боссом» в конце уровня окажется любовь мужчины или любовь матери.

В моем кабинете светло и пахнет маслами: лаванда, мята, цитрусовые – сейчас смешались и по очереди «выпрыгивают», как пестрые цветы из полевого букета. Ароматы – в моем чарте сразу после эстетики. Это то, что делает пребывание здесь почти выносимым.

Снимаю пальто и, как ритуал, подхожу к панорамному окну. Осенним пятном внизу раскинулся парк возле самого большого в России Оперного театра. В студенчестве я ходила на балет и оперу каждую неделю, билеты на бельэтаж можно было купить в день спектакля и стоили они 200 рублей. Я училась смотреть и слушать открытым сердцем, чтобы тело звенело, как камертон. Чтобы до мурашек, до слез, до дрожи. Искусство, музыка, творчество – общение на уровне сердца и занимает почетное третье место в моем рейтинге спасения от скуки земной жизни.

Четвертое место – книги. Хорошие книги, написанные душой, а не желанием славы и денег. В моем мире есть что-то похожее на чтение, только происходит это интенсивнее и быстрее. Скорость информации там выше скорости света, но состояние от прочтения истории, послевкусие и легкая эйфория от мира, в который погружаешься – тоже есть. Через одно прикосновение можно узнать миллиарды историй целой цивилизации, и одни саги увлекательнее других.

Стук прерывает мои рассуждения, дверь медленно открывает женщина лет 30. Из-за роста, а может манеры держаться, она выглядит, как скромная старшеклассница. Опрятное платье сидит по фигуре, локоны темных волос, сдержанный макияж.

– Добрый день! Можете присаживаться – улыбаюсь я и жестом показываю на черные кожаные кресла.

За час беседы выясняю, что Елену беспокоит бессонница, потеря аппетита и вялость, это длится уже год, витамины, диеты и спорт не помогают. Депрессия. Многие обеспеченные клиенты вздрагивают на этом слове и стараются от него защититься. Но ни наличие денег, ни «прекрасный муж», ни «самые лучшие дети», не являются репеллентом от заболеваний. Психика человека – сложнейший механизм, который изучен меньше, чем космос. Уровень земного мира в целом – первокласска на лекции «Энтропия вселенной».

Выписываю Елене антидепрессанты, объясняю, что это безопасно. Уверяю, что они не вызовут привыкания, а просто помогут мозгу быстрее восстановиться. Отмечаю важность здорового сна, хорошего питания, медитаций и прогулок. Почему-то многие ищут ответы в карме

и ретроградном Меркурии, а не в нарушенном режиме и постоянном напряжении. Назначаю психотерапию раз в неделю и прощаюсь. После двух первичных консультаций и трех сессий чувствую опустошение. Как и после физического труда, телу и нервной системе нужен отдых.

«Жду тебя в Marriot», большими буквами «СРОЧНО» – сообщение от моей единственной подруги освещает экран. Задерживаю взгляд на вечернем небе, глотающим город. Сумка, ключи, телефон. Может показаться, что я обычная земная женщина, но, в отличии от остальных, я помню свои прошлые воплощения и миссию на Земле.

Иду пешком через парк к Орджоникидзе, 31, в одно из самых любимых мест города. После Оперного театра сворачиваю левее и передо мной огромные окна, гнутый витраж, кованые ограждения, фасадные скульптуры. Трехметровая Гестия, богиня домашнего очага, барельефы по мотивам сказок Пушкина – красиво. Новосибирску всего 120 лет, он не избалован архитектурными шедеврами. Город развивался в послереволюционный период и застроен, в основном, бруталным бетоном. Остальная часть – потрескавшийся и обвалившийся сталинский ампи́р. Если бы не условие оставаться в локации рождения, давно бы уехала в Эдинбург или Прагу, а может быть, на острова, подальше от цивилизации.

Оля сидит за дальним столиком у окна, как кукла Барби, светлые волосы волнами укрывают обтянутую трикотажным платьем спину. На ногах, как всегда, изящные сапоги с длинными шпильками.

– Привет! С прошедшим днем рождения! – она встает, чтобы обнять.

– Это тебе, – протягивает блондинка небольшой пакет. Заглядываю внутрь и не сразу распознаю содержимое двух коробочек. Тушь и красная помада?

– Амачка, тебе очень пойдет, – нежно мурлычет Оля и одаривает меня детским взглядом из-под пышных ресниц, – Немного туши, яркие губы и будет супер, – с энтузиазмом поясняет она, снова устраиваясь в кресле.

– Спасибо, Оля, – благодарю как можно искреннее и убираю пакет в сумку. На дне замечаю три гигиенички – единственная косметика, которую обычно использую.

– Ты за рулём? Может шампанского? – игриво предлагает подруга.

– Давай в другой раз. Я буду кофе, – высматриваю официанта, чтобы сделать заказ, – Так в чем была срочность? – спрашиваю, заметив, что один из парней в белых рубашках отреагировал на поднятую руку.

– Слушай, сегодня в магазин заходила пара. Он – просто с обложки, высокий, голубые глаза, типаж Джейкоба Элорди. Весь в луи и прада, прикинь. Но самая жесь – лохушка с ним. Просто ни о чем. Корни отросшие, ногти без маника, сумка сикей за десятку. И фейковые сен лоран в ушах. Я стою такая, че вообще происходит?

– Может она интересна ему как личность, – предполагаю я, поняв из рассказа только слова по-русски.

– Какая там личность? Женщина должна быть богиней, потому что без энергии «инь» мужчина не сможет раскрыть свой потенциал, – решаю не спорить, ведь когда человек верит во что-то, реальность подстраивается. Верить ли ты в то, что тебе помогает или в то, что вредит – это и будет истиной. В мире почти не существует объективности. Даже то, что сегодня доказано, завтра может быть опровергнуто. И наоборот. Все зависит от восприятия.

– Оля, а почему встреча была срочной? – лучше вернуться к вопросу.

– Ну так я и говорю. Пока лохушка была в примерочной, мы с ним поболтали. Он мне так улыбался. Ну знаешь, не просто улыбка, а такая, с намеком. Короче, мальчик поплыл, – Оля растягивает губы и гласные, – Позвонил кто-то и он так специально громко сказал, что встреча сегодня в восемь в этом рестике. Ну я такая, типа, намек понят. Прикинь. Может это судьба, – просияла Оля и отпила коктейль. Это очередная история об удивительной встрече с потенциальным мужем. Меня могло бы это раздражать, но каждый раз, когда я смотрю в ее серые глаза, вижу образы будущего, где она по-настоящему счастлива. И мужчина ей для

этого не нужен. Отношения, как и деньги, никого не портят и не улучшают, только усиливают и обнажают, что есть. Оля всегда была такой, с момента первой встречи в медицинском. На первом курсе пыталась соблазнить профессора по анатомии, завалила экзамены и перевелась в другой институт на психолога. Говорила, что эта профессия поможет ей быстрее найти мужа. Сложно сказать, почему мы продолжили общаться, не имея ничего общего. Пожалуй, потому что в ней есть то, что я ценю в людях – искренность и непосредственность. А она, скорее всего, не видит во мне соперницы.

– Оля, а где вообще знакомятся с мужчинами? – подруга закашливается.

– Да ладно! Первый раз от тебя слышу в одном предложении слова «мужчины» и «знакомиться». Ты что вдруг, решила стать женщиной, а не роботом? – внимательно смотрит блондинка.

– Мне почти 30, – искренне вздыхаю я и отпиваю молочную пену из большой кружки. Оля словно ищет на моем лице признаки сарказма, но там только серьезность и, может быть, усики от кофе. Вытираю губы салфеткой и повторяю вопрос. Подруга с энтузиазмом придвигается ближе и включает тон учителя.

– Клубы, бары, рестики. Но для этого нужно выглядеть как черничный кекс, – вопросительно поднимаю брови, – Аппетитно – поясняет свою метафору Оля и продолжает с большей энергией.

– Еще спортзалы, бассейны и автосервисы, но не обычные, а где тюнингуют машины. Горнолыжные курорты. Бутики. Автосалоны, – читая растерянность в моих глазах, подруга на секунду прерывается.

– Но можно через приложение, – с ноткой разочарования добавляет она.

– Приложение – звучит отлично, – откидываюсь на кресле, радуясь, что нашла подходящий вариант. Учитывая график работы, конференции в других городах и мою нелюбовь к людям в целом, онлайн общение кажется правильным выбором. Конечно, ради задания на это воплощение я готова на все, но зачем, если можно проще. Займусь этим завтра же, вряд ли это займет много времени.

Глава 3. 3 октября. Первый шаг.

Потенциальный муж Оли так и не пришел. Она сказала, что ей «пофиг», но было видно, что расстроилась, словно в шарике стало меньше гелия. Наверно, так выглядит постепенная потеря веры в себя. Или мужчин. Или мир. Или все вместе. Любые слова поддержки в стиле «ты справишься», будут неуместны, лучше просто быть рядом.

Итак, регистрация в приложении для знакомств. С глубоким вдохом поднимаю голову вверх и мысленно обращаюсь к моим наставникам на IC 1101. Что за миссия такая? Нет бы поручить управление государством или создание шедевров живописи. На худой конец, блогером могла бы стать или летчиком-испытателем. Любовь к другому человеку – это познание через разделение. Вечная душа – чистый свет и радость, а природу любви можно познать только в мире с иллюзией ее отсутствия. Какая же я душная, даже для себя. Это все из-за сложностей мыслительного процесса через слова. Скучаю по старой доброй телепатии. В моем мире нет языка, в том понимании, какое вкладывают земляне. Есть символы, архетипические энергии, состояния материи, направленность, свет. Отвлеченная рассуждениями, скачиваю и открываю приложение. Имя, возраст – пока все логично. «Цель знакомства», нужно выбрать один или несколько пунктов, ставлю галочку напротив «отношений». Морщусь, замечая строчку «брак, создание семьи». В образовании отмечаю «ученая степень». И зависаю на вопросе «расскажите немного о себе». Одно слово – это «немного»? «Психиатр». Звучит одновременно как достижение и угроза. Пожалуй, так и оставлю.

Фотографий у меня ровно пять: одна для обложки научного журнала, остальные – для программ конференций. Ни одного селфи, видео только с пейзажами. Помнить, кто ты на самом деле – и дар, и проклятье. Я с детства живу как старая, прагматичная бабка. В три года рассуждала о природе времени, в пять – изучала английский, для поступления. Закончила одновременно два института, в 25 защитила кандидатскую. Мозг у меня средне статистический, я просто не тратила времени на попытки осознать, где я и что тут происходит.

Готово. Амалия, 29 лет, Новосибирск, психиатр и мое веснушчатое лицо в обрамлении медных волос. Предчувствие хорошее, может быть, получится вернуться домой даже быстрее срока.

Глава 4. 10 октября. Препятствие.

«Хочешь ночевать иногда вместе?» – первое сообщение в списке непрочитанных, и я снова нажимаю «удалить», даже не открывая. «Кто ты по знаку зодиака?». «Почему такая бомбита скучает?». «Приезжай ко мне». Удалить. Удалить. Удалить.

За неделю я нажала на эту кнопку чаще, чем хотелось бы. Моя внешность «на любителя» здесь никого не отпугнула, видимо, собрались исключительно любители. «Психиатр» в описании тоже не сработал и был удален после пятнадцатого вопроса «в натуре психиатр?».

Я просматривала карточки с фотографиями, читала анкеты и отвечала. Уже к третьему дню повальных грамматических, стилистических и пунктуационных ошибок, стало казаться, что проверяю сочинения «Как я провел лето». Обычно терпимая даже к коллегам, ставящим ударение «фобИя», стала отправлять в бан за «что бы», когда это подчинительный союз.

Наливаю в бокал бархатного бароло, которое полюбила после поездки на винодельню Тосканы. Из гостиной доносится джаз с характерным потрескиванием пластинки. В распахнутые двери балкона заползает осенний вечер. Почти классика моей жизни, если бы на белом диване дождалась книга, а не телефон с открытым приложением.

Шесть непрочитанных. Первое – с пожеланием доброй ночи от Станислава, 38 лет. На фотографии крупный мужчина в кожаной куртке, рядом с мотоциклом. Допустим. Открываю раздел «о себе»: «Жизнь это книга и каждая страница это прожитый день который мы проживаем, и переживаем каждый день начинаем заного как бы перезагружать но в внутри себя мы надеемся на лучшие (не пытайтесь найти эти слова где-то это мои слова)». Намек на философию? Как вообще можно написать слово «заного» при наличии встроенного автокорректора?

Речь человека – отражение его мышления. Перечитываю еще раз слова, которые, как заботливо предупредил Станислав, принадлежат только ему. Но безуспешно, не понимаю. Делаю большой глоток вина и снова жму «удалить».

Глава 5. 30 октября. Шанс.

Первый снег выпал сразу крупными хлопьями. Даже пятна грязных фонарей выглядят романтичнее. В чем заключена эта магия замерзшей воды?

Паркую машину и выхожу на хрустящую улицу. Мимо проходит женщина с девочкой лет 5, та хохочет и ловит снежинки. Укутанная в шарф, она не может двигать шеей, поэтому поворачивается всем телом, круглым от количества одежды. Чувствую, как на щеки напоздаст улыбка.

– Добрый вечер, Амалия Александровна, – обращается ко мне знакомый мужской голос.

– И вам, Виктор Сергеевич, – оборачиваюсь, чтобы поприветствовать хозяина голоса, шестидесятилетнего бомжа. Точнее сказать, человека без прописки, потому что у него даже место жительства есть. Виктор Сергеевич интеллигентный и добрый старичок, доктор физико-математических наук. Его судьба как роман о большом успехе и еще большем поражении. Три года он живет в подвале соседней пятиэтажки. Всегда вежливый, но не навязчивый, зимой чистит снег, весной сажает цветы, летом подметает. С подстриженной бородой и в опрятной одежде старик больше похож на смотрителя маяка, чем на сибирского бомжа.

– Вы сегодня задумчивы, Амалия Александровна. Или мне показалось? – с улыбкой спрашивает он.

– Задумчива, Виктор Сергеевич.

– Что бы там ни было причиной, дайте этому второй шанс, – шутливо и легко произносит голос из бороды. Шорох метлы удаляется вместе со стариком. Второй шанс?

А ведь последнюю неделю я почти не захожу в приложение для знакомств. В лифте жму кнопку с цифрой 9 и достаю телефон. Десять сообщений. Внимание привлекает незнакомая аватарка. «Валентин подмигнул вам». Перехожу в профиль Валентина: брюнет с телом музейной скульптуры. В графе о себе лаконичное «лирический герой». Интересно. Лифт открывается на нужном этаже. Спешно бросаю вещи в коридоре и думаю, что написать Валентину. Лицо кажется приятным, он точно высокий и у меня появилось предчувствие, что в это раз будет встреча.

«Не умею подмигивать. Ни здесь, ни в реальности. Поэтому просто: Привет» – перечитываю дважды и отправляю. В животе разливается странное, но приятное волнение.

Принимая ванну, продолжаю размышлять о том, каким окажется этот Валентин. Интуиция меня не подводит. Сигналы приходят из подсознания, которое воспринимает и перерабатывает в миллион раз больше информации, чем сознание. Я научила это тело «слышать знаки». Когда нелогично, но точно «надо». Тепло, расслабление, расширение – лучше мыслей показывают правильный путь. Мурашки не врут. Сейчас именно так.

«И тебе привет. Ты какая-то шикарная» – высвечивается на экране.

За час переписки выясняю, что Валя – профессиональный боксер в тяжелом весе. Его рост два метра, пять сантиметров, он уверен в себе и готов к встрече завтра. Пишет без ошибок, никакой пошлости или дешевых подкатов. Ловлю легкий диссонанс, потому что внешность не сочетается с манерой и тоном общения. Решаю пока не сообщать свою профессию, ограничиваясь уклончивым «работа с людьми». Договариваемся, что он заедет за мной ровно в семь. Убираю телефон и улыбаюсь потолку. Чувствую себя девочкой-подростком, которую позвал гулять популярный мальчик.

При мысли об этом в сознании вспыхивает образ медовой кожи и серых глаз одноклассника, который, однако, никогда бы меня не пригласил. Моя первая любовь. Безответная и бессмысленная.

Глава 6. 1 ноября. Встреча.

Стою у соседнего дома в ожидании Валентина. Опаздывает на 20 минут. Собираюсь уйти, но из-за угла показываются фары. Свет почти ползет по дороге и когда машина ровняется со мной, понимаю почему – это двухместное купе с низкой посадкой. Спойлер намекает на то, что за рулем неудавшийся гонщик и я напрягаюсь больше, чем от опоздания. «Не ставь диагноз по аватарке» – проносятся в голове мои же слова коллегам, в попытке удержать их от поспешных выводов. Стекло опускается и, занимая все пространство окна, появляется голова боксера.

– Меня ждешь? – улыбается голова, – садись.

Молча растягиваю губы и обхожу машину. В меня врезается острый запах пота, смешанный с автомобильным освежителем. За рулем сидит гигант, и я задумываюсь, о том, как он помещается в малюсеньком купе. Валентин говорит что-то про «модный рестик» и нажимает на газ. А потом включает музыку так громко, что вибрируют внутренние органы. Появляются вопросы к моей интуиции.

Посадка у машины Валентина такая низкая, что не видно водителей других машин, только их двери. Стрелка спидометра, как неваляшка, переваливается справа налево и обратно. Резкий газ, резкий тормоз. Мой вестибулярный аппарат намекает, что это неприемлемо, и запускает предупредительную тошноту. Валентин как счастливый ребенок, несущийся на санках прямо в дерево. Жизнь священна даже для вечной души и пренебрежение ею – признак молодой новичка в опыте материальности.

Через 15 минут, два красных светофора и мою сжатую от раздражения челюсть, Валентин громко сообщает, что мы приехали. Словно расправляющееся оригами, он выходит из машины. Я следую примеру и с облегчением снова возвышаюсь над землей, а через секунду становится понятно, что мои 185 сантиметров роста не имеют значения. Боксер подходит ближе, и впервые за несколько лет, мне приходится поднять голову. На мгновение вспышкой возвращается образ из юности, когда серые глаза были направлены на меня сверху вниз. Прогоняю воспоминание и следую за гигантской фигурой Валентина.

Он останавливается у столика в центре зала и снимает куртку. Обтягивающая футболка подчеркивает огромность рук, спины и грудных мышц. Я впервые вижу такое тело-скульптуру, но оно меня не привлекает, а удивляет. Как слон в зоопарке.

Мы молча усаживаемся, Валя отвлекается на телефон, а я рассматриваю обстановку. Зал в стиле лофт. Это когда недоделанный ремонт выдают за дизайн: кирпичи со сколами, штукатурка неаккуратными шпатками, потолок с трубами – классика для гриль-бара в Новосибирске. Это не пространство для вдохновения, эстетического удовольствия или расслабления. Тут едят мясо.

Появляется девушка двадцати лет, с лицом как у фарфоровой куклы и бейджиком «Лиза». Валентин мгновенно выныривает из экрана и тащит к себе все принесенные официанткой меню.

– Я тебе сам выберу, ага? – улыбается боксер.

Я удивленно молчу и решаю наблюдать. Лиза, ожидая заказ, внимательно рассматривает Валю. Его гигантские руки, как две колонны, занимают треть стола.

– Короч, неси мне две порции куриной грудки с гречей, без соуса и 3 молочных коктейля. А для дамы стейк с кровью и бокальчик красного, – уверенно диктует боксер.

– Я вас узнала, – тихо пищит Лиза, – вы же Валентин Степанов?

Гигантская голова боксера озаряется улыбкой.

– Он самый.

– А можно с вами сфотографироваться? – поджимая губы, спрашивает Лиза.

– Канеш! – Валя вырастает над столом, задев люстру. Официантка подходит ближе.

– Подожди, надо ж фирменное, – гигант снимает футболку, оголяя торс. Администратор и еще две официантки становятся в очередь. Это интереснее, чем в зоопарке – слон так не умеет.

– Какие хорошенькие у меня фанатки, – веселится Валя, – Можешь потрогать.

Он прикладывает к гигантскому бицепсу руку Лизы. Девушка розовеет и прячет глаза. Официант, не вовлеченный в представление, приносит бокал красного, и я делаю пару больших глотков. Совершенно ясно, что в этот раз интуиция свернула не туда.

Через семь минут номер с позированием заканчивается, Валя наконец-то надевает футболку и садится. Он счастлив. Задумываюсь, похоже ли это больше на нарциссическое или гистрионное расстройство личности. Склоняюсь ко второму.

В ожидании блюд, делаю вид, что слушаю про победы, трофеи и поклонниц. Продумываю план отступления или, лучше, побега.

– Знаешь, я же своего рода психолог, вижу людей насквозь. – Прерывает мои мысли боксер и откусывает кусок курицы, который принесла Лиза.

– Ты прям холодная королева, – продолжает Валя, прожевывая, – у которой внутри пожар. Тебе надо внимание, конфетки, подарочки, все такое. Любишь погорячее, да?

– Я же вижу, как ты раздеваешь меня взглядом, – у меня внутри намечается сейсмическая активность из злости. Стараюсь сосредоточиться на дыхании. Вдох на четыре счета, пауза на четыре счета, выдох на четыре счета и пауза на четыре счета.

– Тебе не хватило того, что ты увидела? – с ухмылкой говорит Валя и впивается зубами в очередной кусок, – Ты получишь все на десерт.

Он чавкает он и подмигивает. Злость на десять баллов по шкале Рихтера. Сжимаю челюсть до скрипа, отодвигаю стейк на середину стола.

– Я вегетарианка. На диете. Но у меня для тебя кое-что есть, – замедленным движением достаю из сумки визитку. Большими золотыми буквами на черном фоне «ПСИХИАТР».

– Не имею права озвучивать тебе диагноз вне кабинета, но очень бы хотелось. И по поводу «погорячее» и «десерта». Попробую объяснить на твоём языке. Я, ты – НЕТ.

Валентин перестает жевать и, кажется, зависает, как виндоус 98. Надолго.

Достаю из кошелька три купюры по тысяче и оставляю рядом с нетронутым мясом. Спешу к выходу.

Может быть, я ничего не потеряла без свиданий за все эти годы?

Голова пульсирует адреналином. Два бокала красного на голодный желудок оказались не лучшим решением. Как и вечер в целом. Хочется скорее выбраться на улицу и подышать. С усилием тяну дверь на себя, но она не поддается. Повисаю на ручке, отклоняясь назад. Безрезультатно. И в момент, когда в сознании проносится мысль о том, что открывать нужно «от себя», кто-то резко дергает с той стороны. Не успеваю среагировать и по инерции вылетаю вперед. Теряю равновесие и, из-за ненавистной гравитации, валюсь на пол. Сумка выплевывает ключи, кошелек, помаду и визитки. Решаю сначала все собрать и только потом встать. Чувствую, как саднит правая коленка.

– Вы в порядке? – интересуются откуда-то сверху.

– Вообще в восторге. Вот решила от радости на полу полежать, – саркастично бубню я, продолжая запихивать рассыпанное в сумку. Мужская рука подает несколько визиток.

– Амалия? – бархатный голос касается чего-то глубокого. И я точно знаю, чьи это руки и голос. Потому что его серые глаза вижу во сне. Моя первая любовь. Мой криптонит.

Большая ладонь становится ближе, отчего страшно поднять взгляд. Может это кошмар? Отрыжка бессознательного. Поднимаюсь сама, передо мной он.

– Это я, Ник. Коля Попула. Помнишь? 11 «Б».

С улыбкой высокий мулат разрывает последние жилы моего самообладания. Черты лица стали четче, скулы и подбородок окантован ухоженной бородой в пару сантиметров. Кепка, широкая куртка и штаны – все черное. Мычу что-то утвердительное.

– Ты психиатр? – Ник смотрит на одну из выпавших визиток и убирает ее в карман, – Я рад видеть тебя.

Пытаюсь улыбнуться, но не знаю, получается ли. Собираюсь сказать, что это взаимно, но за спиной двухметрового Коли показывается женщина, похожая на Ариану Грандэ, но с нотками Азии. Миниатюрная, утонченная, на высоких каблуках – моя противоположность. В солнечном сплетении начинает саднить сильнее, чем на коленке. Вместо «и я рада», снова мычу.

– Амалия, это Диана. Диана, это Амалия. Одноклассница. Не виделись лет десять, – восторженнее необходимого объясняет он.

– Одиннадцать, – зачем-то поправляю я. Девушка мило улыбается и касается Колиного предплечья.

– Прости, что так получилось, – пиная дверь, говорит Ник. Мычу. Нужно признать провал. Приложение для знакомств, свидание и эта встреча – как большая шутка вселенной. Смеяться буду позже.

Все тот же популярный Ник Попула говорит мне что-то, а я чувствую себя низшей формой жизни, даже помня об истинной природе души. Так было одиннадцать лет назад и так сейчас. Внутри сжимается комок и к горлу подступают громкие, некрасивые рыдания.

Я. Хочу. Домой.

Ко входу подъезжает желтая тойота, мямлю почти членораздельное «пока». Ник спрашивает, нужна ли помощь, отрицательно сбегая с лестницы, одним движением запрыгиваю в салон машины и растекаюсь по креслу.

Глава 7. 2 ноября. Мама.

Шторы закрыты весь день. Лежу под одеялом, хотя уже полдень. Впервые за три года я удивила директора клиники больничным. Прекрасно знаю, что психика людей – сплетение физиологии и нитей души. Стресс выводит из строя именно материальную часть системы, а для восстановления нужны покой и время. Эти дни я смотрела хорошие фильмы, снятые «старшими» душами. Такие фильмы остаются с тобой навсегда, как будто ты прожил их сам. Для меня это «Дом у Озера», «Город Ангелов», «Форест Гамп», еще совершенно обожаю «Планету Ка-пэкс», потому что там и психиатр, и пришелец, который возвращается в свой мир – и.д.е.а.л.ь.н.о. Сценарий, однозначно, писал кто-то из «наших». Тех, кто помнит свою природу, предостаточно, просто они не проявляются. Это не те, кто якобы “прозрел” и тем более не те, кто сошел с ума. Первые лгут, вторые – страдают. Механизмы шизофрении наукой почти не изучены, но наставник рассказывал о случаях, когда искра души совмещается с телом неправильно, возникает дисбаланс и, словно не прижившийся орган, сознание начинает расщепляться. А вот те, кто помнит о конкретной миссии, хотя бы на уровне бессознательного, более чем адекватные ребята. Илон Маск, я на сто процентов уверена, один из таких. Он продуманнее остальных – решил строить корабли, чтобы смотаться побыстрее.

Звонок заставляет вздрогнуть, я никого не жду. Приходится вылезать из теплого кокона. Заглядываю в дверной глазок и леденею – мама. Звонок нетерпеливо напоминает о себе. Хочется притвориться, что дома никого, но я послушно открываю дверь и натягиваю улыбку.

– Привет, мам.

– Что так долго? – проходя в коридор бросает она, и ставит на пол два больших пакета.

– Спала, чувствую себя не очень.

– Температура есть? Как горло? Чем лечишься? – бомбардирует эта женщина вопросами, следуя на кухню. Не успеваю ответить.

– Я тебе привезла суп, второе и пирожки с капустой. Ты же их любишь – на слове «капуста» сглатываю тошноту.

– Да, мама, спасибо, – эта женщина идет в гостиную и распакивает шторы. Жмурюсь серости за окном.

– Амалия, ты себя запустила. Тебе почти сорок, а ты даже не чешешься замуж, – вслед за гардинами, она открывает окна.

– Мне 29, мам, – успеваю сказать, помогая заправлять постель.

– Учти, с годами желающих все меньше. Найди себе хорошего мужика, любить не обязательно. Не затягивай, ты ведь уже старородящая.

– Да, мама.

На фундаменте из стресса, неудач и страха не выполнить миссию, слова этой женщины отдаются во всех моих телах: физическом, психическом и энергетическом. Раздражение и обида дрожит, как стекло вблизи проезжающего поезда.

– Амалия, из-за своего эгоизма ты никого не слышишь. Никого. – Вздыхая, она проверяет содержимое гардеробной. В прошлый раз высказалась о количестве пыли и одежды.

– Молчишь? – глядя на меня со своих полутора метров роста, спрашивает она. – Конечно молчишь, потому что сказать нечего.

– Знаешь, мам, вообще-то у меня есть мужчина, – выпаливаю я, не успев подумать. Она роняет вешалку и поднимает голову, чтобы рассмотреть мое лицо.

– Обманываешь.

– Я скоро вас познакомлю, – слова выпрыгивают сами, и я несколько секунд наслаждаюсь оцепенением в глазах этой женщины.

– Ну слава богу, значит я не зря молилась, – оживает она и поднимает вешалку, – схожу свечку поставлю, чтоб он тебя не бросил.

Закрываю дверь и первым делом возвращаю вещи на привычные места. Последнее, с чем считается эта женщина – личные границы. Разбираю пакеты с едой и достаю со дна конверт, в нем пригласительный на встречу выпускников. Может по ошибке? В графе адресата мое имя и адрес маминной квартиры. Бросаю в мусор.

Глава 8. 3 ноября. Новые ключи.

После неожиданного визита этой женщины и моего обещания познакомить ее с несуществующим мужчиной, открылось второе дыхание. Хочется доказать, что она ошибается. Я достойна не только «хорошего мужика», но и любви. И главная цель – завершить миссию.

Рабочий день в клинике проходит бодро. На консультации женщина жалуется, на спокойную и размеренную жизнь, денег много, бутики не радуют, все приелось. «Как будто прилипла к сладкой карамели и не могу пошевелиться» – метафорично описывает она состояние. Судя по признакам, депрессия есть. Мозг привыкает ко всему, даже к счастью и роскоши. Поэтому я прописываю антидепрессанты и советую постепенно пробовать новое. Поехать другим маршрутом, заказать непривычное блюдо, купить сумку из прошлогодней коллекции. На последнем пункте лицо женщины сводит отвращением. Заканчиваем на ее согласии и даже проснувшемся интересе.

Возвращаюсь домой вовремя, аккуратно ставлю машину на парковочное место. Замечаю Виктора Сергеевича возле входа в подвал соседней пятиэтажки – последней сталинки среди элитных новостроек.

– Добрый вечер! – громко, чтобы он услышал.

– Амалия Александровна, давно вас не видел. Как поживаете? – оборачивается старик. Возле него два ящика с инструментами, в руках отвертка.

– Как всегда, Виктор Сергеевич. А что вы делаете?

– Да я вот дверь пытаюсь открыть. В прошлом месяце ЖКХ поставили новую, а ключей не выдали, боялись, что ходить туда будет кто. А теперь и сами ключи эти посеяли где-то. Дают старые и говорят, других нет, открывайте мол этими. А старые ключи новых дверей не открывают, Амалия Александровна. Сами понимаете.

– Понимаю, – и я реально начинаю понимать, – Спасибо, Виктор Сергеевич.

Направляясь в сторону подъезда. Лифт, мой этаж, коридор. Достая из мусора пригласительный. Старые ключи не открывают новые двери, значит буду действовать как новая Амалия.

Глава 9. 4 ноября. Платье.

Смотрю на свое отражение в зеркале примерочной: волосы собраны в пучок, тело обтянуто синтетикой. Стоимость полуметра черной ткани почти сто тысяч, потому что на кусочке написано известное имя. Это урок «позволения». Многие в подарок от родителей и общества получают программы «я не достоин», им даже в голову не придет написать свою фамилию на ткани и продавать дороже золота. А если и придет, никто не купит. Покупают только у тех, для кого это как воздухом дышать, и тех, кто сам готов платить.

– Ну как? – Спрашивает заглянувшая за шторку блондинка, – слушай, ты как модель. Я тебе еще несколько вариантов принесу.

Смотрю на дополнительные вешалки с дорогими тряпками, потом на себя – может ну ее, эту встречу выпускников? Или пойти в своем обычном брючном костюме. Мои отношения с одеждой, по примеру Стива Джобса – моногамные. В гардеробе все черное, простого кроя, но из качественных материалов. Подруга называет мой стиль «директорша похоронного бюро». Поэтому на принесенных ею вешалках – красное, золотое, синее. Думаю о своем намерении действовать иначе, чтобы перейти в новый жизненный сценарий. Через сопротивление и раздражение беру зеленое шелковое платье. Резинка цепляется за этикетку и волосы ползут вниз непослушными волнами. В отражении появляется кто-то незнакомый, внутри пульсирует расширение и тепло. Мне нравится.

– Ну что у тебя тут? – снова заглядывает голова и замирает. Подруга молчит, что можно отнести к странному поведению с ее стороны.

– Это топ. Просто топ! – Оля отдергивает шторку и выводит меня в зеркальный коридор. Платье ласково струится по ногам. Из отражения на меня смотрит новая Амалия. Решаю брать и смотрю этикетку, 235 тысячи? Главное сейчас не зажать энергию из-за непривычной стоимости. Выдыхаю с расслаблением, мысленно повторяю «это просто цифры». Что мне легко на Земле, так это создавать деньги. Алгоритм прост: представляешь, как будто они уже есть и удерживаешь это состояние, несмотря ни на что. Людям эта концепция не дается, как это чувствовать изобилие, если в кошельке ничего нет? Поэтому и нет, что постоянно думаешь о пустом кошельке, потом мысли подкрепляются эмоциями, тело зажимает, начинаешь экономить. Порочный круг, но выбраться из него можно, достаточно раскачав внутреннюю энергию.

– Туфли тоже упакуйте, – достаю карточку, чтобы расплатиться.

Подруга восхищенно смотрит из-под тяжелых ресниц, я знаю, что она тоже хотела бы такой свободы в деньгах. Но из-за веры, что сама заработать не сможет – ждет богатого и щедрого мужа. Позиция ребенка.

– Так, я записала тебя в салон. Адрес кинула в мессенджер. Там Карина все сделает как надо, она прям топовая, – Оля провожает меня к выходу из бутика. От мысли об укладке и макияже сводит челюсть, первый признак моего сопротивления. Вспоминаю о намерении идти в новое, завожу машину и резко выруливаю на дорогу.

Глава 10. 1 декабря. Договор.

У меня еще сорок минут. Вызываю такси до ресторана, указанного в пригласительном, смотрю в зеркало. Рыжие локоны спадают на полушубок из искусственного меха, зеленое платье за 235 тысяч и туфли на каблуке в пару сантиметров. Надеюсь, не придется скакать по сугробам. С накрашенными ресницами, ровным тоном кожи, красными губами, я действительно выгляжу иначе.

Зачем я иду туда? Потому что очень хочется не пойти. Как важно уметь слышать себя и отличать интуицию от страхов. Переход на линию реальности, где у меня есть мужчина, возможен только через действия, которые противоречат старой линии. Делать неожиданное даже для себя, как в фильме «Всегда говори: «ДА» или “Все, везде и сразу”. Прошу водителя подъехать ближе ко входу, еще раз смотрю в пригласительный, перечитываю адрес и строчку «дресс-код коктейльный». Поправляю волосы и выхожу.

У арки с массивной дверью курят двое мужчин, в чертах одного из них узнаю одноклассника, который десяток лет назад так же озирался по сторонам, выпуская дым в сторону. Дима Шипелин – кошмар для преподавателей и одноклассников. Ему не диагностировали синдром дефицита внимания и гиперактивности, с этой особенностью нервной системы физически сложно сидеть на одном месте и тем более запоминать, когда кто-то кого-то куда-то отправил сделать что-то для чего-то с кем-то. С математикой и физикой были проблемы скорее всего из-за дискалькулии – нарушении в понимании математических действий. Это тоже никто не обнаружил, окрестив Диму на весь период школы «ленивым, глупым и невоспитанным». Сейчас, благодаря развитию детской психиатрии, это можно было бы скорректировать.

Дима нервно переминается с ноги на ногу и крутит в левой руке зажигалку. Ниже на две головы, он обзывал меня «вышкой» и подшучивал до 10 класса, а в один дождливый осенний вторник перестал. Я так и не поняла почему.

Возвышаясь над обоими, молча прохожу в вестибюль. За разговорами они, кажется, меня не замечают.

– Вышка, это ты что ли? – царапает спину хриплый голос. Замираю, как будто надеюсь, что сольюсь с обстановкой и он пройдет мимо – эволюционный инстинкт.

– По-любому ты, – приближается голос и мне приходится повернуться.

– Дмитрий. – С намеренной серьезностью обращаюсь, глядя вниз. Мужчина довольно улыбается, задрал голову.

– Ну ты, вышка, красotka, – маленькие глазки на сером лице, свитер из синтетики и темные джинсы. Залысины и запах машинного масла, вперемешку с одеколоном. Поджимаю губы, не зная, что сказать.

– А где все?

– Уже в зале. Пошли, – уверенным шагом мужчина направляется вперед по коридору и сворачивает за угол. Следую за ним.

В большом зале с оранжевым тусклым светом, три длинных стола, за каждым человек восемь-десять. Мозг пытается обработать поток информации, и я почти слышу, как скребнутся нейронные связи, которые не были задействованы целое десятилетие. Как вспомнить имена всех этих людей? Ближе всего к нам – компания из женщин, которые, прервав разговоры, пялятся на меня.

– Смотрите, кого я привел, – радостно объявляет Дима, подталкивая меня вперед, – Это ж Вышка!

Прожекторы глаз поворачиваются в мою сторону. Хочется съежиться и убежать.

– Амалия, садись здесь, – доносится откуда-то сбоку.

Пытаюсь найти, кому принадлежали слова. Цепляюсь за поднятую руку Кристины – одноклассницы, которая ко всем была добра и терпима. В ее маленьком, почти детском теле, скрывается мудрая и светлая душа. Миниатюрные руки, темные прямые волосы и миндалевидный разрез глаз. Кажется, ее родители из Узбекистана. Она выглядит точно так же, как на последнем экзамене.

– Не ожидала, что ты придешь, – улыбаясь всем лицом, звонко говорит Кристина, когда я занимаю место за столом. Не проходит и 10 минут, как двери в зал снова открываются и заходит Коля. У меня перехватывает дыхание, по рядам проносится почти коллективный возглас восхищения. На нем черный костюм, футболка, часы и нишевый аромат, который долетает до моего чувствительного носа. Он пришел один. Мое дыхание прерывается, как разметка на сложном участке дороги. Николаю выделяют место за столом. Злата, кажется, бывшая девушка, набрасывается и прижимается грудью к его предплечью. Прошло одиннадцать лет, но расселись все опять по кастам: популярные, ботаники, середнячки. И я как всегда не вписываюсь ни в одну из этих групп.

Он смотрит в сторону нашего стола, Кристина рядом со мной громко смеется, запрокидывая голову. Я молчу, если не считать нескольких вопросов о том, кем работаю и не вышла ли замуж. Нет, не вышла, я – психиатр. Услышав ответ, они отворачиваются с натянутой улыбкой и больше не поднимают на меня глаз.

Слышу непрерывный поток вопросов Коле, как будто это пресс-конференция. Звучный баритон рассказывает, что в Россию вернулся пару лет назад, сейчас живет в Москве, продолжает играть в баскетбол, но теперь не профессионально. Не женат – на этой фразе хищницы выдыхают напряжение. Злата наклоняется ближе, снова касаясь грудью огромной руки. Вспоминаю образ женщины, с которой он был в нашу нелепую встречу. Сжимаю челюсть и стараюсь переключиться.

Бывшая Коли, извиваясь, встает, чтобы сказать тост.

– Сегодня я смогла увидеть тех, кто мне очень дорог, – она даже не пытается скрыть свой интерес, – может быть, эта встреча станет началом новых историй.

Елейный тон, взгляд с поволокой, все в зале понимают намек. Но Коля остается нейтрален, как всегда, вежлив и отстранен. «Ник, ты тоже скажи тост» – доносится со стороны. Он остается на месте, приподнимая бокал.

– Я счастлив, что здесь. Воспоминания о школьном времени были всегда очень особенными для меня. И сейчас видеть всех вас удивительно и странно. И я хочу сегодня сделать кое-что, что испугался двенадцать лет назад. Но я вам не расскажу. Поэтому давайте выпьем.

Коля говорит без акцента, но его речь звучит как гугл перевод. Подозреваю, что думает он на английском. Теряю ощущение времени, погружившись в свои мысли и подобие транса. Где-то на фоне остаются голоса и хохот знакомых, но неизвестных мне людей, с которыми мы живем как будто в разных мирах. Так и есть, мой мир IC 1101. Кручу в руках бокал, морщусь сделав глоток, это не вино, а спирт с ароматизатором. Пытаюсь оправдать решение прийти сюда, но с каждым циклом стрелки на циферблате, это сложнее. Я здесь лишняя. На этой мысли слишком резко поднимаюсь и немного теряю равновесие. Правильные когнитивные заключения скрыты интоксикацией и туманом эмоций – простыми словами “я пьяна и рассержена”. На поверхности – злость на этих недалеких людей, которые притворно улыбаются, скрывая за масками настоящую личность. Но на самом деле, это злость на себя. Не смотря на бонус воспоминаний о природе души, у меня не получается быть здесь своей, не получается создать отношения, не получается наладить контакт с мамой. И я застряну на этой планете на ближайшие 100 лет, а может и дольше. Это испытание – как тюремная ссылка с квестом. Утомительно и грустно.

Выхожу из зала, следуя через коридор в уборную. В отражении вижу эффектную женщину и не сразу осознаю, что это я. Волосы медью спадают на плечи, обтянутые зеленым шел-

ком, статная осанка, чувственные губы. Вспоминаю слова Оли о том, что любая женщина становится красивой, если ухаживает за собой. Но красота – не только внешние признаки, она больше зависит от состояния, уверенности, внутренней опоры. Я знаю, кто я и чего достойна. Почему тогда не делаю того, что знаю и умею? Этот вопрос отрезвляет и разгоняет туман в мыслях. На горизонте когнитивного разума появляется план. Улыбаюсь отражению, делаю вдох и выхожу в холл, как в открытый космос. Все гораздо проще, если поднимаешься над проблемами и смотришь на них с разных точек восприятия. Как я не додумалась раньше? Человеческая любовь – химическая реакция, предсказуемая и управляемая. Я просто создам ее искусственно с кем-то, кому это может быть выгодно.

Дима. Синхронично возникая в холле, бывший одноклассник двигается в мою сторону – идеальный момент для осуществления плана.

– Вышка, – чуть размазывает он, видимо из-за количества выпитого, – ты такая красивая сегодня. Ты всегда красивая, – неожиданно бормочет мужчина, продолжая приближаться. Я теряю решительность и замираю.

– Амалия, – чеканя каждую букву, произносит Дима, подходя на расстояние, с которого я чувствую перегар и запах машинного масла, – прости меня, прости, что такой debil.

Он плюхается на кресло, которое стоит у стены. Я молчу, не понимая, как реагировать. План начинает проваливаться.

– Ты ж мне так нравилась, понимаешь? – заплетающимся языком жует он самую неожиданную фразу, – Ну я ж не дурак, понимаю, что не нужен тебе такой.

Речь ко мне не возвращается и я просто стою, как вышка, и смотрю на мужчину, которому, оказывается, нравилась.

– Я ж хотел тебя позвать гулять, но потом этот Попула сказал..., – дальше что-то не членораздельное. Понимаю, что ситуация даже лучше, чем я думала.

– А можешь притвориться, что у нас отношения? – он медленно поднимает голову, словно она слишком тяжелая.

– Это как?

– Буквально на один вечер, это не по-настоящему.

– Я могу, – раздается за моей спиной, замираю, прежде чем повернуться. Приходится немного поднять глаза.

– Никто не поверит, что он твой парень, – Коля делает два шага навстречу, мое тело каменеет, снова не получается говорить в его присутствии, – Дим, ты лучше иди.

– Вышка, ну я это, вы тут сами разбирайтесь, – виновато пригнувшись, он скрывается за поворотом. И мы остаемся вдвоем.

– Так что нужно делать?

– Коля, – начинаю я с намерением списать все на вино и юмор.

– Лучше Ник, мне так привычнее.

– Ник.

– Это я, – улыбается он.

– Ты же понял, что это была шутка, да?

– Тон был серьезный, – мужчина устраивается на бархатном кресле, где до этого сидел Дима. Теперь я смотрю на него сверху и это действительно ощущается как преимущество, от чего я смелею.

– Тебе показалось, – пытаюсь выглядеть непринужденно.

– Всего один ужин? С родителями, да? – чуть заметно киваю, сдаваясь, – Это легко. Они будут в восторге, все родители от меня в восторге. Кроме моих. От моих только претензии и расспросы, когда я женюсь. У тебя тоже?

– Да. Мама невыносима, – плюхаюсь на кресло рядом, без сил к сопротивлению его глаз, бархату голоса и улыбке. Он не антагонист, а криптонит. Оружие, которому бесполезно сопротивляться.

Полчаса мы обсуждаем родителей, их недовольство, игнорирование успехов и придирки. Это наш самый длительный разговор, тем более наедине. Может дело в алкоголе, но мне становится легко.

– Ой, а я тебя ищу, – из коридора появляется грудь, а потом Злата. Ник молчит.

– Коль, отвезешь меня домой? Я что-то устала, – мурчит она на пьяном.

– Три бутылки вина называются усталостью теперь? – она подходит ближе и чуть не падает.

– Gosh – вырывается, когда он подхватывает девушку, – Мы должны посадить ее в такси. Пошли вместе?

Зима врывается в легкие обжигающим холодом и отрезвляет, как будто собирая меня воедино. Все еще не могу осознать, что вот она я, а рядом он, который навязчиво всплывает во снах. Наблюдаю за тем, как Ник усаживает Злату в такси. Тело дрожит изнутри, но не от мороза. Коля возвращается ко мне, перешагивая сугроб. Взгляд скользит по моему лицу, задерживаю дыхание. Мы молча смотрим друг на друга, не замечая приземляющиеся снежинки.

– Ты к родителям? – прерываю я игру в гляделки.

– Не, я в Marriott остановился.

– Обожаю мариотт. Такое красивое здание – мечтательно бормочу, вспоминая витиеватые детали фасада.

– Поехали со мной? – смотрю на него, не моргая.

– Шучу, – не улыбаясь, говорит он и протягивает свой телефон, – Напиши номер.

Набираю цифры, эхом в сознании гудит его «поехали со мной». Сглатываю. Он нажимает вызов и через пару секунд сумка начинает вибрировать. Черный мерседес заползает на сугроб.

– Ты можешь ехать первая, я вызову другое, – Ник открывает заднюю дверь и протягивает руку. Впервые касаюсь его ледяными пальцами, еле удерживаю равновесие, большая ладонь сжимает сильнее. Хочется остановить этот момент и одновременно убежать из него. Меня как будто разрывает на части от радости, страха и еще тысячи эмоций.

– Ама, напиши, как доедешь. И завтра, как проснешься, – заставляю себя кивнуть и, кажется, машу рукой из отъезжающего такси.

Несколько минут трачу на поиск мобильного в сумке, руки не слушаются от холода и волнения. Смотрю на пропущенный с незнакомого номера, набираю «Ник» и сохраняю в контакты. Это снова сон?

Глава 11. 2 декабря. Продолжение сна.

Просыпаюсь и еще раз мысленно пролистываю воспоминания вчерашнего вечера. Чтобы убедиться, что мне это не приснилось, перечитываю несколько раз «сообщение от Ник» в 00.52. Падаю лицом в подушку и неподвижно лежу, пытаюсь справиться с вихрем противоречивых эмоций. Казалось бы, должна быть только радость – спустя 11 лет единственный, кто оставил след в моем сердце, проявил себя. Но я не понимаю его намерений. Это неожиданно, странно и мое бессознательное готово защищаться. Как бы мы не хотели отношений, в обществе слишком много историй несчастных, сломанных, брошенных. А Ник похож на того, кто ест сердца женщин на полдник, не запивая. Мы учились вместе, но я не знаю его как человека и тем более не знаю, чего ожидать от него, как от мужчины.

Заставляю себя встать, открываю шторы серому городу и со звуком вдыхаю наслаждение от вида мягко опускающихся на крыши гигантских хлопьев. Они мягко касаются всего на своем пути. Ох уж эта замерзшая вода и ее магия.

Принимаю душ. События вечера сползают под напором воды и я спокойнее ступаю по паркету. Включаю Rini – Aphrodite и укутываюсь в нежность ритма, этот трек всегда помогает создать правильное настроение. Музыка – разговаривает с бессознательным напрямую, она способна тронуть сердце. Утро с ароматом кофе и снега становится ласковым котенком, на плите мурчит кофеварка, мысли проясняются. Может интуиция не подвела меня? Может свидание с нелепым Валентином было необходимо для встречи с Ником? Может это кусочки пазла, который ведет меня в правильном направлении? Что если... но эти мысли слишком революционны и чужеродны для моей нейронной сети, даже предположить положительное развитие событий не получается. Поэтому лучше не развивать эту цепочку.

На экране телефона беззвучно появляется уведомление. Замираю. Если это от него – я обрадуюсь? А если нет – расстроюсь? Беру телефон, делаю вид, что мне все равно, не понятно, правда, для кого это представление. Поэтому выдыхаю и смотрю на экран.

«Ты проснулась?». Никогда еще я не улыбалась так широко, глядя на телефон. Успокаиваю сердце глубокими выдохами.

«Доброе утро» – в попытке не показаться навязчивой или слишком эмоциональной, решаю написать только это. И посмотреть, что будет дальше.

Не проходит и 10 секунд, как телефон освещает вызов, от неожиданности я подпрыгиваю. Продолжаю смотреть на экран, где почти как в «Матрице» нужно сделать выбор: зеленую или красную.

– Привет, – мягко доносится из трубки. Хорошо бы сейчас не впасть в когнитивный ступор и говорить как нормальный человек.

– Привет, – выдавливаю из себя и понимаю, что звучало слишком сухо, как будто раздраженно.

– Ты как? – стараюсь добавить в голос заинтересованности. Вспоминаю урок перед этим воплощением, где мой наставник объяснял об установлении контакта на уровне души. Сначала – почувствовать свой центр, осознать себя. Потом настроиться на другого человека, словно соединяясь с ним невидимым тоннелем, из сердца к сердцу. Открыть «шлюзы», то есть позволить своей энергии свободно выходить и принимать энергию другого.

– Еще не завтракал, но очень хочу, – его состояние как мягкое одеяло, укутывает меня. Его поле как нагретый солнцем луг с медовым ароматом.

– Ты ела? – глубокий баритон прерывает мое погружение. Мычу что-то среднее между «ага» и «ну», все еще находясь под воздействием теплой энергии.

– Поехали вместе куда-нибудь? – видимо, приняв мое мычание за «нет» предлагает он. Не смею противиться такому развитию событий.

– Я заеду за тобой через полчаса, – сообщаю я, неожиданно уверенно, отчего Ник молчит дольше, чем ему свойственно.

– Жду, – наконец находится он с ответом. Я отключаюсь, чтобы громко выдохнуть и успокоить дрожь. Что происходит? Почему вчерашний сон продолжается?

Стою перед зеркалом, пытаюсь решить, что делать. Сегодняшнее веснушчатое лицо, белые ресницы и бледные губы отличаются от того, что он видел. Но я уже не успею съездить в салон на макияж. Вспоминаю про подарок Оли и бегу за сумкой, на дне которой лежит тушь. Глаза становятся выразительнее, немного помады на губы и щеки. Завязываю волосы наверх. Решаю, что достаточно. Черный свитер, брюки, сапоги. Из отражения на меня смотрит почти привычная Амалия, но глаза горят, отчего весь образ становится более стильным. Красота – это состояние.

Чувствую, как с приближением к отелю, ускоряется пульс. Делаю длинные выдохи через рот, словно спуская воздух в шарике, чтобы успокоиться и задействовать парасимпатическую нервную систему. Что говорить? Как себя вести? Вдруг ему что-то не понравится? Стоп. Выжимаю тормоз на последнем светофоре и в мыслях. Нет смысла накручивать, нет смысла пытаться угодить ему. Я – это я, я – целая вселенная, бесконечная душа, часть Потока. В груди становится свободнее, пульс выравнивается. Набираю Ника.

– Выходи, – подъезжаю к главному входу и сбрасываю звонок, не давая ему возможности ответить. Через минуту дверь пассажирского кресла открывается и, складываясь пополам, мужчина с серыми глазами садится на белое кресло.

– Привет, – он разливает свой голос, как мед, и я крепче сжимаю руль.

– Пристегнись, – бросаю, не глядя на него, чтобы не потерять самообладание и жму газ.

– Выглядишь круто, тебе идет все это, – жестом Ник указывает на салон. Коротко киваю, не сумев даже выдавить из себя улыбку или благодарность.

– Куда мы едем? – интересуется он, видимо, чтобы разговорить меня.

– Завтракать, – сухо бормочу я, чем вызываю его смех.

– Ты сегодня чрезвычайно мила, – музыкально заливается он, заставляя меня улыбнуться. Его харизма, как фейерверк – вроде много раз видела, но все равно завораживает.

– Уже приехали, – поворачивая на парковку, замечаю, что как и вчера, мне становится спокойнее рядом с ним. Но сегодня дело не в алкоголе. Ресторан в деревянном доме с резными ставнями – одно из моих любимых мест в городе. Я не знаю, что нравится Нику, но мне это и не нужно.

Мы заходим в просторный зал, интерьер выдержан в белых тонах, на стенах картины по мотивам русских сказок и мифов. На столах скатерти с кружевами ручной работы и вазы с живыми цветами. Нас провожают к столу у окна. Официантка улыбается, узнав меня и спрашивает, принести ли как обычно. Я утвердительно киваю.

– А можно мне то же самое? – отодвигая меню, интересуется Ник. Вопросительно смотрю на него.

– Я доверяю твоему безупречному вкусу, – сердце подпрыгивает как на лежащем полицейском, которого не заметил. Это вроде даже не комплемент, но очень тонко обволакивает эго. Этот мужчина не просто красив, он мастерски обходит мою защиту, сарказм и критическое мышление. Как в гипнотерапии, вызвал замешательство, а потом зашел через единственное уязвимое место – ценности. Bravo! Я мысленно аплодирую ему, но укрепляю оборону.

– Итак, на какое число назначим встречу?

– Встречу? – отлетев в свои мысли о защите границ, переспрашиваю я.

– С родителями, – вчерашний разговор о ненастоящих отношениях, почему-то стерся из памяти, как старые фотки с жесткого диска.

– Мои собираются праздновать новый год на даче, но до 20 декабря они в городе. Хотел узнать твое расписание, чтобы спланировать. А к твоим можем поехать в любой день, я свобо-

ден, – Ник делает глоток воды. Следуя примеру, чтобы выиграть время и подумать над ответом.

– Выходные может быть? – продолжает он, осушив стакан. Утвердительно киваю. Почему общение с ним затормаживает мои когнитивные функции? Стараюсь собрать силы и усилием воли начать говорить.

– У меня свободны выходные 15 и 16 декабря, время не принципиально, но лучше вечер, чтобы это был ужин и через несколько часов мы смогли уйти под предлогом позднего часа. К моей маме лучше ехать в будни, после работы, чтобы она не устраивала пир и не завывала ожиданий. Зайдем на чай, между делом, чтобы доказать, что у меня может быть достойный мужчина.

– Она сомневается в этом? – он произносит это так мягко, задевая глубину, откуда вдруг прорываются спрятанные чувства и хочется плакать. Отрицательно машу головой, одновременно сбрасывая с себя эти неподходящие эмоции.

– Просто у меня не было отношений, – неожиданно признаюсь я.

– Никогда? – жалею о сказанном, в лице пульсирует стыд. Снова отрицательно машу головой, стряхивая лишнее, как собака воду. Радуюсь, официантке и большой тарелке вареников. Ник тоже переводит внимание на принесенные блюда

– Как ты... – его телефон высвечивает «Диана» и серые глаза вспыхивают светом. Ладонь накрывает телефон и, не сказав ни слова, он в несколько шагов скрывается за входной дверью. А я чувствую тяжесть бетонной плиты на плечах. Заставляю себя жевать ставшие безвкусными вареники, внутри разворачивается срочное собрание субличностей.

«Размажь его по стенке» – надрывно кричит субличность в образе Жириновского, для этой части все – враги и ко всем нужно применять экстренные меры. Мой внутренний Жириновский заносит руку над красной кнопкой. «Женщина должна служить мужчине, просто потерпи и будь ласковой» – поглаживает его по спине Богиня.

«Из-за чего вы устроили такой шум?» – сладко спрашивает русалка, а я даже не успеваю удивиться, как «слышу» громкий крик маленькой девочки внутри меня. В каждом из нас, даже в самых смелых и сильных, есть дети, которым нужна любовь и внимание. Стараюсь увидеть и услышать все, что сейчас происходит внутри. Это не психическое расстройство, я знаю, я же психиатр. Разговоры субличностей происходят у каждого, вопрос только может ли человек это осознанно отслеживать. Почти во всех направлениях психологии есть работа с субличностями и даже целое направление Внутренние Семейные Системы.

«Доверяй» – эхом, будто отражаясь от купола, проносится в сознании, это голос Высшего Я. Выдыхаю. Доверие пространству, открытость, принятие и осознанность. Если что-то происходит, значит в этом есть смысл.

Вареники тают во рту и я прикрываю глаза от удовольствия. Инжирное варенье, чай с липой, травянистый аромат букетика хризантем. Даже если Ник скажет, что ненавидит меня, будет ли это концом истории? Он – второстепенный персонаж моей жизни. Что бы ни произошло, я с этим справлюсь. Ох уже эти общественные программы и антропологические потребности. Внутренний Жириновский неодобрительно убирает красную кнопку, Богиня обнимает маленькую девочку, у русалки появляются ноги.

Бессознательное – территория бреда, там нет логики и анализа, только метафоры и образы. Чем лучше умеешь отслеживать свои мысли, эмоции, телесные реакции – тем проще жить. Счастливый человек – целостный человек, который умеет общаться в первую очередь с собой. Клиентам я всегда советую вести дневник состояний, где они учатся записывать то, что с ними происходит: реакции, внутренние процессы, рефлексии. Для многих это становится билетом в чудесный новый мир, где понимаешь и слышишь себя.

Ник садится напротив, но я не отвожу взгляда от окна, где опять кружится снежный пух.

– Выглядит отлично, – комментирует он. Я, по привычке, держу оборону, но вспоминаю про доверие.

– Попробуй, – двигаю ближе пиалу с вареньем.

Ему звонила Диана, не самое распространенное имя, это точно женщина с нашей первой встречи. Нелепой встречи. В воспоминаниях всплывает образ точеной миниатюры с фарфоровым лицом. Эта женщина знает себе цену, она тратит много времени и сил, чтобы так выглядеть.

– Это очень вкусно, – жует Ник. Коротко улыбаюсь. Доверие. Диана может быть совершенством, но сейчас он здесь, со мной. Я не знаю их отношений, не знаю ее как человека и вообще ничего не знаю, поэтому все мои предположения – крик в пустой колодезь.

– Заеду за тобой завтра в 6, – встречаясь взглядом с серыми глазами предлагаю или, скорее, утверждаю я. Идея в том, что парень – не настоящий. Буду придерживаться плана, не завышая важности. Ник старается быстрее прожевать, чтобы ответить, запивает чаем и закашливается.

– Цветы для мамы куплю сама, надень что-то не слишком официальное. Можно как сегодня, – взглядом указываю на его черный худи, – Чтобы она ничего не заподозрила, не переигрывай. Задача в том, чтобы просто приехать вместе и ты подтвердил, что встречаешься со мной. По своей воле.

– Да сэр, есть сэр, – расплываясь в улыбке, отвечает Ник, – Можешь больше рассказать, чтобы я был готов?

– Ничего особенного. У мамы генеративное тревожное расстройство, поэтому она старается все контролировать. Токсична и не замечает этого, разговаривает приказами.

– Это у вас общее, – снова с улыбкой вставляет Ник.

У меня внутри закипает гейзер несогласия. Быть похожей на маму – страшный сон. Но, с позиции Коли, это оправданное замечание. В общении с ним я часто молчу, а потом силой воли выплевываю что-то лаконичное и директивное. Если сейчас не улыбнуться, будет странно. Растягиваю губы.

– Кроме шуток, эта женщина – чемпион в тяжелом весе по токсичности. Она профи. С шизофрениками в бреду общаться легче, чем с ней.

– Уверен, ты преувеличиваешь, – доедает он.

Решаю не переубеждать, сам увидит.

Мы еще пьем чай, говорим о детстве и школе. Он решает взять такси, прощаемся, как старые знакомые. Без ожиданий, без борьбы, но еще я совершенно без ума. Обманывать себя бессмысленно, сейчас мои субличности танцуют вальс, даже Жириновский покачивается в такт музыке. Это влюбленность, я знаю химический процесс, который происходит в организме. Различают четыре фазы. Фаза «притяжения» начинается с выработки лимбической системой феромонов, к ним добавляются тестостерон или эстроген, плюс оксид азота. Этот «суп» вызывает влечение. Вторая фаза: если чувства взаимны – живешь как на амфетаминах, если нет – страдаешь, как Шекспировский герой. За это отвечают дофамин, адреналин, норадреналин, фенилэтиламин, серотонин. Третья фаза «привязанность» – это любовь в классическом понимании. Наслаждение, без страха расставания (если нет психологических травм и расстройств личности), выделяется окситоцин, эндорфины и вазопрессин. Если наступает фаза «расставания» – падает уровень серотонина и эндорфинов.

Субличности делают музыку громче, чтобы заглушить этот научный бубнеж от моего внутреннего Профессора Душнилы. Заснеженный Новосибирск вдруг становится романтичным и уютным. Еду по самой длинной улице в мире, улыбаюсь тому, что это не оборот речи, а факт. Красный проспект занесен в Книгу рекордов Гиннеса, 6947 метров сибирских сугробов. Ловлю себя на мысли, что не сравнила этот нелепый, по меркам Вселенной, отрезок с масштабом IC1101. Интересно. Доверять. Мой поворот на площади Калинина направо в сто-

рону дома, хочется музыки, горячей ванны и доброго кино. Завтра знакомство мамы с моим первым парнем, пусть он и не настоящий.

Глава 12. 3 декабря. Знакомство.

Утро наступает слишком рано, я оказываюсь не готова к этому дню. Ни кофе, ни душ, ни музыка не помогают. Так бывает перед новым шагом. Мелкая дрожь в теле означает изменение вибраций, я действительно перехожу на другую линию реальности. Улыбаюсь этому осознанию и посильнее укутываюсь в пушистый кардиган. Переход невозможно ускорить, перепрыгнуть или проигнорировать, только прожить насквозь. Чем выше уровень осознанности, прости Господи, за такое затасканное слово, тем проще. Множественные интеллекты, способность к рефлексии, чувствование тела и умение общаться с бессознательным. Что я могу ощущать на уровне тела? Расширение, тепло, зажим, подвижность, сдавленность, дрожь, зуд. Какие при этом эмоции? Интерес, доверие, радость, тревога, раздражение, воодушевление. Что я думаю, какие приходят образы, какие ассоциации они вызывают? Какие при этом мысли? Четыре основные точки внимания: тело, мысли, эмоции, образы.

Кто снова пустил Профессора Душнилу? «Откройте окна!» – кричит Жириновский, остальные с ним согласны. Тяжело быть Душнилой в современном обществе и даже в собственной личности. Улыбаюсь этим мыслям, выдыхаю.

Рабочий день проходит как в тумане, стараюсь не думать о предстоящем вечере, но назойливые мысли липнут даже к снимкам МРТ мозга. Как в тесте Роршаха, вижу не височную долю, а выражение лица мамы, когда мы с двухметровым красавцем заявимся на чай.

Вечер неизбежно наступает, мое напряжение становится гуще сметаны. К моменту, когда доезжаю до отеля, сметана превращается в твердеющий бетон. На заднем сидении – букет белых роз. Этой женщине невозможно угодить, поэтому я взяла самое простое. Сибирские -29 «за бортом», в салоне включены все возможные подогревы, но меня трясет. Знаю, что это попытка симпатической системы освободиться от напряжения. Успокаивать ее сейчас не нужно, наоборот еще больше подвигаться. Паркуюсь на соседней улице, чтобы пройтись. Холод отлично прочищает мозги. Накидываю дубленку, поскальзываюсь, чертыхаясь, бреду по сугробам. Дышу.

Замерзшими пальцами набираю «выходи». Светофоры, уставшие люди, прожекторы фар – словно театр. Большое представление под названием «жизнь на Земле». Дышу.

Облака темным пятном цепляются за крыши, как потолок натянутого циркового шатра. И у каждого из нас своя роль. Дышу.

В моем старом сценарии отношения с матерью – точка роста, источник мотивации, испытание на прочность. Но не все так плохо. Не самый тяжелый сценарий. И я могу его менять. Выдох. Могу.

– Не замерзла? – врывается теплым баритоном.

Хочу по привычке сказать «нет», но говорю «немного». Серые глаза теплеют.

– Время еще есть? Возьмем кофе? – взглядом Ник указывает в сторону кафе в начале улицы. В четыре длинные ноги преодолеваем расстояние за минуту. Ник подает мне руку, чтобы спуститься по лестнице в подвальный этаж. Моя холодная ладонь тонет в его, как в теплом облаке. Ощущение растворяется, когда он медленно забирает руку, открывая двери в помещение кафе. Ник заказывает капучино с карамельным сиропом, в этот раз я прошу то же самое.

– Волнуешься? – замечая мое состояние, спрашивает он, пока ждем заказ. Утвердительно киваю, продолжая рассматривать носки своих сапог.

– Что может пойти не так? – Ник немного наклоняет голову, чтобы поймать мой взгляд и направить в свою сторону. Соглашаюсь на это.

– Ощущается как прыжок с парашюта. Еще не знаешь, как это будет, но на всякий случай боишься. Заранее готовлюсь к самому худшему. Страх неизвестности.

– С тобой опытный инструктор, – и улыбка, которая не может не свести с ума. В ней есть что-то непосредственное и одновременно с этим соблазнительное. Хищник с мягкой шерсткой, который играет с клубком и мурчит на коленках. Но тигр не станет домашним котом, у них разная природа.

– Надо предупредить, что мы едем, – стараюсь звучать максимально нейтрально, чтобы он не подумал, что его тигриные уловки сработали. Достаяю из сумки телефон. Слушаю гудки, разглядывая меню на стене.

– Мам, привет. Могу заехать на чай? Ненадолго. Через минут 15. Не предупреждала. Да, это невежливо. Я не одна. С мужчиной. Мам?

Молчание этой женщины случается только когда она бросает трубку или манипулирует игнором. Обычно ей всегда есть, что сказать.

«Приезжайте» и гудки на том конце. Вот и поговорили. Не было ни одного раза, когда бы я почувствовала, что она ждет меня дома. Попытка заслужить любовь родителей очень частая внутренняя мотивация, но, к сожалению, не приводящая ни к чему хорошему.

– Все будет хорошо. Обещаю, – большая рука мягко касается моего плеча и, кажется, время останавливается.

– Хочешь, я поведу? – спрашивает Ник, когда мы подходим к машине. Молча даю ему ключи. Это не самая плохая идея, учитывая мое растерянное состояние. «Эмоции – это нормально» – успокаивает меня внутренний мудрец. Он похож на Дамблдора, только одежда попроще. Мысленно соглашаюсь со стариком. Даже у самых проработанных и осознанных бывают переживания, как у самых спортивных и здоровых – понос. Чувствовать – это опыт, который душа может получить только в физическом теле. Холод, боль, тепло, наслаждение – чем выше чувствительность, тем больше оттенков. Гнев, разочарование, признательность, воодушевление – продукты психики, ее функции. Если человек ничего не чувствует – это не сила, а «замороженность», разрыв между сознанием и бессознательным. Неумение определять эмоции и говорить о них. Алекситимия – (от др.-греч. ἄ – приставка с отрицательным значением, λέξις – слово, θυμός – чувство, букв. – «без слов для чувств») – затруднения в понимании, передаче, словесном описании своего состояния. Жириновский дает по лбу Профессору и недовольтно садится в машину, этой части меня не нравится идея передачи управления какому-то «проходимцу». Где Высшее Я, когда оно так необходимо?

– Что слушаешь? – Ник отодвигает кресло, настраивает зеркала и нажимает «play». Мягкими рифмами салон заполняет Sabrina Claudio – Stand Still. Он утвердительно кивает в такт, и выезжает на Красный проспект.

«Time stands still, while we stand here, I don't wanna fight you, I need the same as you» – «время остановилось, пока мы здесь, я не хочу бороться с тобой, я хочу того же, что и ты». Самая длинная улица становится еще длиннее, фонари размазывают желтый свет по грязному снегу. «Я тоже хочу доверия, я тоже хочу быть вместе» – слишком синхронично, слишком откровенно, слишком правдиво. Внутренняя Богиня уже разделась, Жириновский требует переключить эту срамоту и я почти поддаюсь на его уговоры. Но из темного угла моей личности выползает грязное нечто. Это субличность, отвечающая за романтические отношения с мужчиной, она была отправлена в ссылку еще в старших классах, потому что только мешала своими нереалистичным ожиданиями. Нечто дрожит, шипит как зверь и передвигается на четвереньках. Богиня вызывается позаботиться о ней, а навигатор сообщает, что мы прибыли на место назначения.

Лифт прижимает нас ближе друг к другу. Меня укутывает древесный парфюм, вызывая легкую дрожь. Ник надел черное худи, пальто, джинсы и кеды. Он во всем выглядит как дорогой автомобиль – даже под слоем пыли виден лоск. Медовая кожа, длинные ресницы, глаза цвета новосибирского неба. Он мулат, но черты скорее арабские. Точный подбородок, ровный

нос, щетина. Но дело не в его внешности, эта дрожь просто – следствие выработки гормонов, будь они неладны. Шестой этаж налево, звонок.

Дверь распахивается, выплескивая на нас свет и запах хлорки. Эта женщина моет пол каждый день, в квартире идеальная чистота, ее помешательство на уборке почти достигло критериев Обсессивно Комппульсивного Расстройства.

Пока мы поднимались, я успела предупредить Ника об этом, чтобы он был готов к комментариям с ее стороны. Женщина среднего роста, каштановые волосы зачесаны назад, между бровями глубокая рытвина от постоянного недовольства. Она не улыбается, не здоровается в ответ на наше приветствие. Указывает на приготовленные у порога тапки и скрывается за дверью на кухню.

– Это тебе, – протягиваю букет роз, не ожидая реакции. Она молча достает и ставит у раковины вазу.

– В следующий раз не трать деньги на веники, – ледяным тоном чеканит она, с кухонными ножницами в руках.

– Мам, это Ник, – не могу не улыбнуться странности момента. Его идеальная фигура выглядит в квартире, где я выросла, чужеродно. Он как будто из другого мира, но не как я, из IC1101, а из другой реальности здесь, на Земле. И вот параллельные пересеклись. Маловероятно, непостижимо, неожиданно.

– А нормальное имя есть? – так же холодно спрашивает эта женщина и я каменею от растерянности.

– Я Николай, Коля. Просто со школы приклеилось Ник. Прозвище такое – широко улыбается он, показывая идеальные зубы.

– Ты что, собака, чтобы иметь прозвище, – спрашивают губы-ниточки. Ник молча улыбается. Каким бы он не был обаятельным, Доктор Токсичных наук в деле.

– К чаю только вафли. Еще позже бы позвонила, – под аккомпанемент бурлящего чайника бубнит она. Мы оба просто стоим и улыбаемся. Он понял тактику – чем меньше скажешь, тем меньше получишь.

– Что стоите? Вам особое приглашение нужно? – раздраженно бросает она и начинает разливать чай. Мы послушно садимся.

– Руки идите вымойте сначала, микробами трясут, – вдруг гавкает недовольный рот и мы оба, как нашкодившие дети, выскакиваем из кухни. Ник следует за мной в ванную, здесь аромат хлорки усиливается и я задерживаю дыхание. Чувствую напряжение, нам есть что сказать, но мы боимся быть услышанными, поэтому просто моем руки. Обмениваемся многозначительным взглядом, серые глаза как бы говорят «мне жаль», а я отвечаю зелеными «мне тоже». Ему жаль, что гениальный план «понравится родителям» рассыпается на части. Мне жаль, что втянула его в это.

– Она хорошо зарабатывает, – вдруг, прерывая хруст вафли, выдает эта женщина. Ник поднимает голову и перестает жевать.

– Может тебя обеспечить, у нее денег куры не клюют, – продолжает она странный монолог.

Красивая мужская голова кивает еще более растерянно и выдавливает подобие улыбки. Я решаю просто молчать. Потому что нет ничего, на что она не найдет саркастичного или уничижительного замечания.

– Не знаю, зачем тебе она, – жест головой в мою сторону, с выражением лица, которое даже помойная крыса не заслуживает, – но если у вас серьезно, то не тяните. Она уже старородящая.

Я почти выплевываю чай, Ник делает вид, что внимательно слушает. Эта женщина деловито берет чашку, оттопыривая мизинец и одаривает меня неодобрительным взглядом.

Если бы я не помнила своей природы, родного мира и прошлых воплощений, заработала бы длинный список психических расстройств. Прикрываясь заботой, эта женщина запирает меня в комнате и не разрешала выйти даже в туалет. За проступки, конечно, например, за четверку или за то, что недостаточно хорошо постирала свое постельное белье. В 10 лет. Чувствую, как триггер ее взгляда цепляет болезненные воспоминания и глаза становятся мокрыми. Как же это непросто, как же это по-человечески, как несправедливо. Я просто хочу домой.

Ник замечает мое состояние. Одним глотком допивает чай и нежно касается середины спины.

– Людмила Сергеевна, спасибо за гостеприимство, извините, что без предупреждения и поздно. Мы поедem, завтра на работу. Спасибо за чай, – кажется, он даже немного кланяется, не отпуская меня.

– Мне ваши пашни неинтересны, можете больше не приезжать. Свадьбу, конечно, не надо – не хватало еще дармоедов кормить. Просто распишитесь и сообщите, – она дожидается, пока мы одеваемся и закрывает дверь.

Хлопок и нас проглатывает темнота. Ник на ощупь находит кнопку лифта, она загорается как светлячок в ночи. Мы стоим в тишине и это молчание так о многом. Вытираю ползущую вниз слезу. Большие руки притягивают ближе, зарываясь носом в теплую кофту с древесным ароматом. И выдыхаю. Слезы просто льются и я позволяю им быть.

– Ты была права, она невероятная, – мягко доносится сверху и это так двусмысленно и мило, что мы оба заливаемся смехом. Двери лифта разъезжаются, освещая силуэты, несколько секунд стоим просто глядя друг на друга.

– Поехали.

Ник останавливает закрывающиеся двери большой ладонью, пропускает меня вперед. Садимся в машину, я снова на пассажирском, субличности сбились в кучку и молчат, они всегда тихие после общения с этой женщиной.

– Поехали ко мне, – неожиданно для себя предлагаю я.

Ник молча находит в навигаторе «дом» и сворачивает с самой длинной в мире улицы.

Глава 13. 4 декабря. Изменения.

Останавливаю настойчиво дребезжащий по тумбе телефон. Утро. Пора на работу. Голова-гирия, тело-вата, обрывками в сознании прыгают картинки вечера. Вот мы едем ко мне, заходим в квартиру. Ник говорит, что у меня уютно. Я знаю. Сразу иду к винному холодильнику, достаю самую дорогую бутылку бароло. Знаю, что потом пожалею. И не зря. Достаю бокалы, делаю глоток, не дав вину подышать. Зря. Ник находит в пустом холодильнике сыр и заказывает пиццу. Включаю биокамин, Never Enough в исполнении Black Atlass, и мы усаживаемся на пол с бокалами. Много говорим. О родителях, школе, сожалениях и надеждах. Он перестает быть идеальной картинкой, обретая глубину. За уверенностью скрывается маленький Коля, который никогда и нигде не чувствовал себя частью общества. В России на него показывали пальцем из-за цвета кожи, в Америке отличался воспитанием, менталитетом и ценностями. «Чужой», как в песне Стинга. Мы съели пиццу, открыли вторую бутылку бароло дешевле. Очень зря. Мне было одновременно спокойно и тревожно, потому что первая встреча с мамой прошла. Но мысль о том, что когда-то придется объяснять наше расставание – сводила кости. Мы еще говорили о музыке, фильмах и культуре. Потом открыли третью бутылку Pino Grigio. Очень, очень зря. А что было потом?

Плечусь в ванную, пытаюсь разбудить тело, включаю холодную воду. Глубоко дышу от обжигающих ледяных потоков по лицу и телу. Выхожу на кухню уже бодрее, ставлю на плиту кофе. Старая добрая гейзерная кофеварка, в лучших традициях Италии, начинает призывно булькать. Я послушно снимаю ее и наливаю в любимую чашку. Настроение налаживается и хочется музыки.

Мы поцеловались – образ вспыхивает в сознании флешбеком. Замираю на полпути в спальню, пытаюсь точно вспомнить, было ли это на самом деле или мне приснилось. Память упрямо троит, сбой в программе. Нет, я бы не забыла такое. Не могла же я это забыть? Ну пожалуйста, бессознательное, помоги вспомнить. «Срамота» – кричит Жириновский и тут я с ним соглашусь. Шикарный мужчина, идеальный вечер, возможно, первый поцелуй, и забыла? Так, ну в целом, это не смертельно. Выключаем лимбическую систему, активизируем префронтальную кору – не паникуем, а рассуждаем логически.

Уже спокойнее пью кофе, листаю телефон в поиске подсказок. В итоге решаю, что даже если мы целовались, это ничего не меняет. Оба выпили, поддались атмосфере, ничего особенного. Дыхание прерывисто и поверхностно – этими мыслями я только обманываю себя. Это как прикрыть газетой и сделать вид, что так и должно быть. Может написать ему сообщение? Какое? «Привет, мы вчера целовались?». Если да – он может расстроиться, что я не помню, если нет – подумает, что я навязываюсь. Оба варианта... «срамота», подсказывает Жириновский. Именно так, спасибо.

Делать нечего, пока просто пойду на работу. А дальше пойму все по поведению Ника. Это же как с котом Шредингера в суперпозиции. Поцелуя могло не быть, но сейчас он одновременно был и его не было. От этих мыслей чугунная голова становится тяжелее. Субличности прогоняют Профессора и я им благодарна.

Решаю ехать на такси. Думаю, написать ли Нику и если да, то что. Просто «доброе утро»? Экран высвечивает «мама» и я задерживаю дыхание. Успеваю сказать короткое «алё» и на меня обрушивается поток: «он тебя бросит, ты наивная и глупая». Она добавляет, что Ник заберет мои деньги и умотает с какой-нибудь шалавой, потому что у него на роже написано «жиголо». А в конце: «Попомни мои слова и не прибегай плакаться, только попробуй принести выродка в подоле». Так много хочется ей сказать, но получается только холодное «да, мама».

План на сегодня: выжить.

«Проснулась?» – звякает в телефоне.

«Уже на работе» – набираю, почти не глядя и сразу отправляю. На столе стопка бумаг на подпись и рассмотрение. Я врач или директор? Откуда столько документов? До середины дня полная записка, вечер свободный. Может получится уйти раньше.

«Пообедаем?» – приходит в ответ. Отправляю только смайлик, потому что в дверях показывается клиент. Перевожу на беззвучный и убираю телефон в стол. Ник хочет встретиться, потому что между нами что-то было, просто из вежливости или потому что хочет, чтобы между нами что-то было?

Дописываю заключение по патопсихологической диагностике и обнаруживаю, что на часах уже почти два. Голода нет, видимо, из-за абстинентного синдрома. «Отходосы» – подсказывает внутренний Жириновский, протягивая Богине бутылку пива, она недовольно морщится и требует смузи. Решаю поехать в свой любимый ресторан, где есть и смузи, и пиво, если вдруг понадобится. Вспоминаю, что сегодня без машины. На маршрутке, такси или просто прогуляться до ближайшей китайской закусочной. Сумка, пальто, телефон. На экране несколько сообщений и один пропущенный от Ника. «Я приехал» – останавливаюсь в коридоре, пытаюсь понять смысл. Перечитываю чат: «Во сколько заехать?», «Заеду около двух», «Я приехал». Набираю ему, гудок прерывается мягким баритоном и я задерживаю дыхание.

– Спускаешься? – утвердительно мычу, уже по классике, – черный джип на парковке.

Захожу в лифт в уверенности, что мы все таки целовались.

Сибирский декабрь обжигает ветром, я поднимаю воротник пальто, надеваю перчатки. Взглядом, все еще растерянно, ищу машину. Через полминуты ко входу подъезжает огромное тонированное нечто, с обратной стороны хлопает дверь и Ник почти бежит в мою сторону по ступенькам. Бордовый свитер облегает широкие плечи, на ногах кеды и я переживаю, что он промочит ноги. Мужчина улыбается и протягивает мне широкую ладонь. Даже через перчатку чувствую тепло. Он открывает мне дверь и я почти расплываюсь от удовольствия, чувствуя себя настоящей женщиной. Богиня выводит отмытое чудовище, которое теперь выглядит милой пятнадцатилетней девочкой, с румянцем от стеснения и косичками. Моя романтическая жизнь закончилась, не начавшись, поэтому в свои 29 я ничего не знаю о флирте и мужчинах. Точнее знаю, но как психиатр.

Мы едем в мой любимый ресторан, он заказывает много мяса, объясняя похмельем, я заказываю салаты и смузи, по той же причине. Говорим, смеемся, а потом он отвозит меня обратно. Я неловко машу рукой на прощание, моя восьмиклассница улыбается и смущенно ковыряет ножкой.

Вечер проходит в компании оставшихся документов и бумаг. В шесть я собираюсь домой. На ресепшн трое девушек администраторов как всегда сплетничают. Разговор затихает, оставив в воздухе «это точно была наша Дылда, да, в черный джип». Вот это поворот, но ожидаемый, в клинике все про всех знают. Подхожу ближе, девочки картинно улыбаются.

– До свидания, Амалия Александровна! – слащаво тянут они в три голоса.

– Да, это я садилась в черный джип. Да, это был мужчина. Нет, мы не в отношениях. Пока не в отношениях, – серьезно говорю я и растягиваю по лицу улыбку.

Все трое чуть отстраняются, никто из них не видел, чтобы я улыбалась или говорила о личной жизни. Потому, что невозможно говорить о том, чего нет.

– Хорошего вечера! – победным шагом следую к лифту.

Как приятно отстоять свои границы и еще приятнее сказать, что была с мужчиной. И это не просто абы кто, а моя первая и единственная любовь. Продолжаю улыбаться, заметив это только благодаря отражению в зеркальных стенах лифта. Пусть будет так. Эта женщина смотрит на меня глазами, наполненными смыслом. «Это гормоны» – пищит Профессор, задавленный Жириновским. «Дай девочке жить, можно сказать, она и не жила никогда. Без любви – это выживание, не иначе» – в свойственной ему манере почти кричит мой внутренний политик.

Богиня говорит, что сегодня будет вечер наслаждения собой и никто этому предложению не противится.

Включаю Summer Walker – Deer, набираю ванну с пеной и солью, наливаю свежавыжатый сок, зажигаю свечи. Достаточно «богически»? Внутренняя Афродита одобрительно кивает. Как же порой непросто с этим нелепым телом, со всеми его выделениями отовсюду, старением, эмоциями и тяжестью. Но если научиться получать удовольствие, разрешить себе его, присвоить, признать – жизнь может стать чуточку приятнее. И базово – не сравнивать свою оболочку с другими, а ценить то, что есть. Сложнейший биомеханизм, который обеспечивает душе уникальный опыт. Даже в моем мире IC1101 те, кто проходит здесь практику, возвращаются почти героями, обретая статус и знания, дающие преимущества.

Несмотря на мой рост, социально неподходящую внешность и тяжелый характер, у меня есть я. Я есть и я здесь. Время отведенное на этот опыт может быть благословенным и расширяющим, а можно превратить его в Ад. Рецепт преисподней отлично знает моя мама.

Сравнивай себя с другими, особенно более успешными, но чтобы не чувствовать зависть и злость, принижай их достоинства и обесценивай достижения. Они – тупые, ты – молодец.

Не развивайся, потому что это страшно и больно. Практики не работают, психологи – шарлатаны, жизнь не изменится.

Делай больно другим, чтобы страдать не в одиночку.

Не подпускай к себе людей и никому не доверяй. Мир опасный и грязный.

Смысла нет, ни в чем. Поэтому не ищи ответы, просто следуй обстоятельствам. Ты ничего не решаешь, мы все – жертвы несправедливой жизни.

Хорошо живут только бандиты, воры и лживые политики. Они все «дурят нашего брата». Бедность – прерогатива святых мучеников.

Отрицай существование депрессии, психологических травм, СДВГ и аутизма. Тебе лучше знать – это все глупости от скуки, мода, раньше как-то жили и не было этого всего.

Прогони всех из своей жизни и оставайся одна, потому что так проще, спокойнее и чище.

Жалуйся всем и на все. Критикуй всех и все. Ненавидь, не благодари, надежно закрой сердце.

Если не построишь высоких стен – люди сделают больно, как родители, которые скорее всего, даже не хотели тебя.

Людей нельзя любить, все они – монстры и чтобы выжить, тебе придется стать одной из них.

Выбор. Выбор. Выбор. Выбор. Выбор. Выбор. Так выглядит жизнь. Каждое утро – выбор, с каких мыслей начать день. Потом – что надеть, чем позавтракать, как ответить на звонок курьера. Послать или поблагодарить? Книга или сериал? Улыбка или надменный взгляд? Нет правильного и неправильного, хорошего или плохого. Мы защищаемся, боремся, обижаемся на мир не просто так. Во всем есть СМЫСЛ, во всем есть позитивное намерение.

Как бы тяжело мне ни было от общения с мамой, я никогда не отвернусь от нее. Потому что знаю, где-то глубоко внутри, за стенами из металла и бетона, за сотнями острых копий и минными полями, она живая, любящая, настоящая. И ей очень больно. Части ее личности кричат и плачут в темницах, пытаюсь вырваться наружу, но их оберегает суровый надзиратель. Его задача – уберечь от боли. Девочке, которой она была когда-то так часто и сильно причиняли боль, что психика не справилась. Она спряталась за железным куполом из токсичности, чтобы выжить. И она не умеет по-другому. Сколько бы я не стучалась, двери закрыты. Я тоже делаю выбор – продолжать, потому что верю, что однажды меня впустят.

Глава 14. 14 декабря. Всемогущая любовь.

Витрины украшены гирляндами, на площади возвышается ель, декабрь сыпет на улицы все больше снега. Видимо, по акции. Я вглядываюсь в сумеречный город через окно кабинета

и думаю о завтрашнем дне. Мы поедем к родителям Ника на ужин, это будет серьезнее, чем с моей мамой.

Она не звонила уже неделю, что странно. Звонки от меня игнорирует, я немного беспокоюсь, поэтому собираюсь к ней сразу после работы. На часах половина шестого. Записи на вечер нет и уже вряд ли кто-то придет. Улетаю в мечтания о том, как мама могла бы прийти ко мне на работу под конец дня и я бы показала ей кабинет, а потом мы бы поехали в любимый ресторан ужинать и долго говорили. Можно было бы сходить за покупками, я бы заметила, что ей понравилось и потом купила это как подарок на праздник. Мы бы резали салаты и выпили бокал шампанского. Мы могли бы чувствовать, что есть друг у друга и что мир за окном – просто декорации.

Без десяти шесть, собираю вещи и выхожу. Доезжаю за полчаса и еще четверть часа ищу, где поставить машину. Поднимаюсь на шестой этаж, лифт напоминает о древесном аромате парфюма, моих слезах и его теплых руках. Звоню в дверь, в ответ тишина. Смотрю на экран телефона, снова звоню, потом нажимаю «вызов» – ничего. Сердце ускоряет ритм. Пишу сообщение «Ты дома? Я приехала». Чуть не роняю телефон, когда экран высвечивает «мама».

– Ало, мам. Ты где?

– Чего звонишь?

– Ты уже неделю трубку не берешь, я переживаю. Ты где?

– Не беру, значит не хочу говорить. Хватит трезвонить, – она холодно игнорирует вопрос, это неспроста.

– Мам, ты в порядке?

– А что со мной будет то, – слышу на фоне голоса, пытаюсь разобрать слова.

«Девушка, в больнице она,» – доносится из трубки. Лицо заливает жаром.

– В больнице? Что случилось? – сжимаю телефон в ожидании ответа.

– Не твое дело, не звони, раз не беру. Давай, пока, – гудки.

Я стою в темноте совершенно растерянная, словно маленькая девочка. Знаю, что звонить повторно бесполезно. Выдыхаю. Убираю телефон в карман, складываю руки крест накрест, по очередно хлопаю по плечам. Билатеральная стимуляция – при стрессе эффективно. Продолжаю несколько минут, дышу с длинным выдохом, чувствую, что становится спокойнее. Она ответила сама, настроение типичное, значит, все нормально. В больнице, значит под присмотром врачей. Длинный выдох. Здесь стоять бессмысленно, спускаюсь в машину и уже знаю следующий шаг.

– Владимир Сергеевич, добрый вечер. У меня к вам просьба, можете узнать, в какой больнице пациентка? Да, конечно, как всегда, сейчас пришлю данные.

Отправляю сообщение с именем, датой рождения, номером страхового. Что бы ни говорила мама, я – врач и связи в медицинских учреждениях у меня есть. Были разные случаи с клиентами, когда приходилось искать их по больницам и моргам, поэтому это даже не выглядит странно.

«Областная, в кардиологии», – приходит через несколько минут. Выезжаю, часы посещения до 7, успеваю. Звоню знакомому психиатру, спрашиваю, к кому можно обратиться, чтобы пропустили, объясняю, что там моя мама. «Скажи от меня, я сейчас предупрежу дежурного». – понимающе отвечает коллега. Выдыхаю.

– Мам, привет! – она сидит на дальней кровати у окна, серый халат немного помят, очки сползли на нос, в руках книга. Женщина выглядит маленькой и слабой, я готова заплакать, потому что никогда не видела ее такой. Приходится окликнуть еще раз, может чтение интересное, может не слышала, может не ожидала. Наконец глаза поднимаются и замирают от удивления, она молча наблюдает, как я подхожу ближе.

– Амаля, – только и может произнести рот с морщинками в уголках губ.

– Мам, ты как? – присаживаюсь рядом, но не решаюсь обнять или взять за руку.

– Чего приехала? – вопрос, к которому я готова.
– Потому что переживаю. Расскажешь, что случилось? – стараюсь говорить как можно мягче.
– Ничего не случилось. – Бубнит она и отводит взгляд.
– Спрошу у врача. Тебе что-то нужно?
– Нет. – Сухое и холодное. Как же тяжело раз за разом пытаться прорвать оборону и ничего не получать взамен. Стараюсь не уходить в обиду.
– А я ей говорила, чтобы позвонила родным, – вклинивается прокуренный голос, – сидит без воды, без сменной одежды, халат вон ей выдали хотя бы.
Голос доносится с кровати у входной двери и принадлежит тучной барышне лет шестидесяти. От этих слов у меня все внутри сжимается.
– Лишнего то не болтай, – строго рычит мама, распрямившись, словно готова накинуться.
– Что ей нужно? – обращаясь к соседке решила поинтересоваться я.
– Не надо мне ничего. Езжай домой уже, меня скоро выписывают, – в привычной манере перебивает мама.

Но через пять минут у меня уже был список необходимого, а еще через пятнадцать – информация о состоянии ее здоровья от дежурного врача. Привезли на скорой с высоким давлением, решили оставить понаблюдать.

Много напряжения, годы не прожитой злости, заблокированные эмоции – классические психосоматические причины гипертонии.

Через час я снова в палате номер 8, с двумя пакетами и недовольным взглядом, которым одаривает меня самый родной человек. Я просто не могу поступать иначе, не могу бросить ее, не могу причинить еще больше боли.

– Спасибо за заботу, – протягиваю коробку конфет барышне у двери, широкое лицо расплывается в улыбке, от чего она становится милой.

– Езжай домой, поздно. – Нейтрально повторяет мама.

– Если что-то нужно будет – звони. Я приеду завтра.

– Да не надо мне ничего, ты и так притащила, половину в помойку можно, – стараюсь сохранять состояние, эти слова просто попытка защититься.

– Хочешь – выброси, я еще привезу, – каждое слово стараюсь произносить не из головы, а из сердца, – Mam, прощу тебя, бери трубку.

– Ладно, – тихо отвечает она и поднимает глаза. Боль, боль, боль, боль, боль. Мои жалобы на эту планету сейчас кажутся капризами избалованного ребенка. То, что прошла эта женщина, я даже не могу представить.

Вспышка в сознании, воспоминание о договоре на уровне души. Мы заранее договариваемся с родителями, к которым приходим о том, какой опыт будет оптимальным для всех. И сейчас спонтанно распаковалась память о том, что душа этой женщины – высокодуховная сущность с фиолетовым свечением и на Земле выполняет миссии учителя. Ее душа сказала, вернее передала вибрационно «тебе будет нелегко, но если сердце сможет увидеть скрытое, все откроется». В человеческих словах звучит странно, но суть в том, что мой опыт – не бороться, не исправлять, а принять и увидеть больше. Видимо, сейчас мой поступок, слова и состояние, вернее частота вибрационной волны, на которую я настроена – соответствует тому, о чем мы договаривались. Значит лед тронулся, двери приоткрылись, процесс запущен. Скорее всего, дело не только во мне, но и в том, что на этой линии реальности, мама позволила себе снять какой-то процент защиты. В моем сердце раскрываясь лепесток за лепестком расцветает лотос. Любовь – основная энергия вселенной, но проживать ее в человеческом теле – как услышать любимую мелодию под водой в скафандре. Хочется пуститься в пляс, но тело слишком тяжелое. Чертова гравитация. Сажусь в машину и почти растекаюсь по креслу. Мама в порядке и

впервые за наши 30 лет вместе, я чувствую, что есть надежда. И ответ, как всегда, очевиден – любовь.

Глава 15. 15 декабря. Семейные ценности.

Нервно барабаню по рулю, подгоняя светофор. По пути из больницы опаздываю в салон на макияж и укладку. Оттуда сразу к родителям Ника. На заднем сидении пакет с подарком – китайский чайный сервиз на шесть персон. Из рассказов я запомнила, что его мама любит красивую сервировку и хорошо печет. Он мало говорил о родителях. Знаю только, что есть старший брат от первого маминого брака, а отец Ника – так называемый «фестивальный» ребенок. Дедушка Попула приехал из Эфиопии на какой-то международный студенческий съезд, влюбился в женщину, а может и страну, решил остаться.

Оля звонит уже третий раз, нажимаю «принять».

– Минута, – говорю, предвосхищая вопрос, и сворачиваю в сторону салона.

– Хорошо, жду тебя, – меня накрывает волна благодарности за то, что подруга есть в моей жизни.

Спустя два часа у большого зеркала стою красивая я и трое девушек, ответственных за это. Оля помогла с одеждой. На мне темно-фиолетовое шерстяное платье на запах, сапоги на невысоком каблучке, черное пальто. Локоны, ровная кожа, нюдовый маникюр. Сегодня я не выгляжу как психиатр, сегодня – я идеальная девушка. Улыбаюсь отражению. Благодарю девочек и отправляю сообщение своему парню, хоть и не настоящему. Пока не настоящему.

Мы не виделись больше недели, он вернулся из Москвы сегодня. За семь дней два коротких звонка с обсуждением деталей встречи, несколько сообщений с вежливыми вопросами о самочувствии. И мое чистосердечное признание, пока только себе: я скучаю. Попытки забыть его эти 11 лет не были успешны, а с началом наших не настоящих отношений и вовсе потерпели крах. Сейчас это как стратегическая игра, кто первый напишет, кто сделает шаг, что абсолютно выматывающе. Поэтому сегодня, после ужина, я собираюсь признаться ему. Открыть ящик Шредингера и выйти из суперпозиции. Какой смысл затягивать, если мы оба заинтересованы. Еще меньше смысла, если один из нас не хочет, а другой надеется. У меня нет на это времени.

Беру пакет с подарком и сажусь в подъехавшее такси. Вечерний Новосибирск переливается огнями, отражая себя же в миллиардах снежинок. Шазамлю песню, которая играет по радио, Tanerelle – Continuum. Добавляю ее в свой плейлист. Как интересно распаковывается эта линия жизни, каждый поворот открывает новое и мне кажется, что сегодняшней вечер окажется точкой невозврата. Это волнительно, закрываю глаза и чувствую как дребезжит тело. На уровне атомов. Дышу.

Высокая фигура в черном пуховике с капюшоном, скрывающим лицо, ждет у шлагбаума. Даже издали можно узнать осанку и манеру держаться. Это человек, от которого зависит моя миссия и самооценка. Хотя стоп. «И то и другое зависит исключительно от меня», – пафоснее обычного поправляет Богиня. Спасибо большое, так и есть. «Нечего переключать ответственность на кого попало», – субличности хихикают, считая последнюю фразу шуткой. Какой-то внутренний стендап получается. Это немного расслабляет и я иду по уже спокойнее. Черный пуховик хрустит на встречу и у меня перехватывает дыхание от его улыбки. Нет, дело не в улыбке, а в энергии, которая от него исходит. У каждой души и каждого существа есть вибрационная волна. Его – похожа на теплое облако, в которое хочется укутаться и никогда не выходить.

– Привет! – он берет пакет и протягивает мне руку, помогая перебраться через сугроб.

– Мама весь день готовилась, она в предвкушении, – он закусывает губу, что можно было бы принять за смущение.

– Я волнуюсь, – честно признаюсь, когда мы заходим в лифт. Это мое любимое место с ним – крошечное, закрытое пространство, которое быстро заполняется древесным ароматом, сегодня с нотками кожи.

– Мы справимся, – широко улыбается мужчина и легонько дотрагивается до моего плеча, в качестве поддержки, я полагаю. Широкая дверь приоткрыта, за ней холл с десятком лампочек. «Современное поместье», – всплывает ассоциация, не смотря на то, что это квартира, здесь все пропитано стилем.

– Проходите! – к нам выходит высокая брюнетка, она похожа на модель или актрису. Крупные черты лица, выразительные серые глаза. Это его мама, я полагаю. Но выглядит она скорее как старшая сестра. На ней простой белый свитер и джинсы идеальной посадки. Как и Ник, эта женщина производит впечатление несуществующей идеальности. Мы проходим в просторную гостиную, здесь тоже все выдержано в неоклассике. Мой внутренний эстет устроился удобнее, чтобы наслаждаться.

– Мам, это Амалия, – его голос звучит немного торжественно и на минуту я забываю, что все это лишь спектакль, это все – не мое.

– Папа Ника задержался, едет из аэропорта. Я его не предупредила, хотела сделать сюрприз.

– Он уже едет? – переспрашивает Ник, я полагаю, он тоже был не в курсе и по его удивлению с нотками напряжения, догадываюсь, что это не самый удачный подарок.

Стол накрыт безупречно, в его центре ваза с букетом. Я вспоминаю о сервизе и презентую его Елене Васильевне. Она, кажется, искренне радуется и часть меня начинает надеяться, что спектакль превратится в реальность. Идеальная семья, идеальный Ник, все здесь кажется совершенством. «Вот именно, КАЖЕТСЯ» – мягко подсказывает какая-то из субличностей. Я не успеваю понять, рассказ Елены Васильевны, которая попросила называть ее просто Еленой, прерывает звонок в дверь. Она на секунду замирает, обдумывая, кто то может быть, я полагаю. Грациозно поднимается со своего места и следует, потому что просто «идет» ей не подходит, в коридор. Доносится несколько голосов, но слова не разобрать. А через минуту в гостиную заходит мужчина похож на богатыря из детских сказок. Высокий, плечистый, с кудрями цвета соломы. Ник чуть заметно вжимается в стул, я чувствую напряжение. Он пристально смотрит на нежданного гостя, чтобы скрыть это. Здоровяк улыбается во все зубы, кажется, искренне и открыто. Он источает свет и безусловную силу. Не физическую, а силу духа, личности и души. За его спиной показывается невысокая женская фигура в платье футляре, говорящем «я знаю, что шикарна». Элегантным движением она поправляет пряди волос и я вижу лицо. Раскосые глаза, полные губы, черты похожи на Ариану Гранде, только азиатскую. Стоп! Это же Диана. Женщина, что была в тот вечер с Ником, сегодня волосы не убраны наверх, но это точно она. То есть Диана – девушка брата? Значит они с Ником общаются как друзья или даже почти родственники? Диана машет нам миниатюрной ладонью и я замечаю ее взгляд в сторону Ника. Взгляд не поверхностный, как его, а с вызовом, с энергией. И это точно что-то значит, я полагаю.

– Привет! – мягко тянет здоровяк, обращаясь ко мне голосом Зевса, именно такая ассоциация приходит. Я растягиваю улыбку и мычу – ну это, видимо, моя классика общения с мужчинами. Диана обвивает широкое предплечье и улыбается молча и натянуто. Теплая рука касается спины и я вздрагиваю от неожиданности.

– Знакомьтесь! Это моя девушка, Амалия, – Ник пристально смотрит брату в глаза, – Амалия, это мой брат. Антон.

В голосе все еще есть напряжение и пока я не понимаю, что между ними происходит. Потому что богатырь искренне улыбается всем лицом. И теперь, когда он ближе, я могу рассмотреть глаза – цвета новосибирского неба. Его глаза похожи на те, что мне снились. Эти мужчины – противоположности, но наследственность у них отличная, оба выиграли ДНК лотерею. Знаю, что иногда душа может специально выбрать тело, близкое к идеалу человеческой красоты, чтобы пройти определенный опыт. Внешняя привлекательность может стать проклятием, потому что если мир видит в тебе красивую картинку – часто не замечает, что внутри.

Антон приятный, ухоженный, но без налета лоска, как у брата и мамы. Слишком много идеальности на квадратный метр. Даже в стильной одежде и с макияжем, в этой гостиной я чувствую себя персонажем из сказки про Элли – чучелом. Внутренняя Богиня негодует от таких мыслей, Жириновский готовит трибуну, чтобы начать речь об истинной красоте и как в нашей стране ее просрали. Но я лишняя здесь еще и потому, что ненастоящая девушка. Просто чучело девушки, чтобы отогнать назойливые вопросы родителей.

Ловлю диссоциацию, кажется, я не совсем здесь и это не со мной. Приходится отлучиться в уборную, чтобы прийти в себя. Знаю, что психика пытается защититься. Смотрю в отражение, потом фокусируюсь на предметах, ощущениях и звуках. Вот кусок мыла с ароматом лимона, прохладная вода. Пол с подогревом, платье мягко прилегает к телу, чуть щекотно от пряди волос на шее. На полочке стоят свечи и аромадиффузор, прислушиваюсь к аромату, кажется что-то ванильное. Дышу осознаннее, замечаю, как на вдохе воздух чуть прохладный, а на выдохе – теплый. Вдох и выдох. Мысленно представляю, как возвращаюсь в тело, дышу через солнечное сплетение. За дверью слышны шаги и голоса.

– Что у нас тут за ярмарка обуви? – доносится из коридора. Отец Ника приехал, я полагаю. Решаю подождать.

– Мальчики приехали. А Коля с девушкой! – от радости ее голос звучит выше.

Шаги отдаляются, еще раз смотрю в отражение, понравлюсь ли я этому мужчине? А нужно ли мне это? Они – второстепенные героини моей истории. Зачем мне ждать одобрения? Субличности устроили митинг в поддержку самооценности. На плакатах большими буквами «Я(МЫ) шикарны». Улыбаюсь образам из бессознательного и выхожу в яркий свет холла.

В гостиной пока четверо: Елена, двое ее сыновей и миниатюрная Диана. Ник улыбается, увидев меня и это придает смелости. На столе появилось огромное блюдо с крабами, на тарелках салат, в бокалах что-то соломенное. Вопросительно смотрю на виновника торжества, поняв вопрос, он беззвучно произносит «шампанское». Киваю. Я не любитель пузырьков, но выпендриваться, пожалуй, не буду, сделаю вид, что пью. В гостиную входит высокий, под два метра, мулат спортивного телосложения. Свитер, джинсы, осанка как у военного, выражение лица подстать, волосы очень короткие, гладковыбритое лицо. Возраст не определить. Если бы увидела его в другой обстановке, никогда бы не подумала, что это отец Ника. Владимир, отчество не запомнила.

Хозяин дома садится слева от меня, во главе стола, напротив жены. Я упираюсь взглядом в улыбающееся лицо Антона, мне хочется назвать его «Ясно солнышко», он как будто сошел с былины о Русских правителях. Большой, но не перекаченный, красивый, но не слащавый. Антон внимательно слушает и поддерживает нить разговора. Он заразительно смеется и тонко шутит. Ник единственный, кто не реагирует на харизму и обаяние брата. Мой ненастоящий парень притих, я чувствую напряжение с момента появления незваных гостей. Елена тоже заметила это, она вовлекает его в разговор, касается руки, удерживает визуальный контакт. Первый тост за знакомство предлагает Антон, он говорит, что рад видеть семью в таком составе и благодарен Амалии, то есть мне, что наконец «приручила зверя». Ах, если бы. Натянуто улыбаюсь, обмениваясь многозначительными взглядами с Ником. Владимир с легкостью разделяет очередного краба и, между делом, интересуется рабочими вопросами. Из разговора понимаю, что Антон – юрист и работает с отцом в их семейной компании. Стало интересно, как богатырь выглядит в костюме и с документами в руках.

– Жаль, Николай никак не удосужится нам помочь. А мог бы, – разламывая очередную фалангу произносит Владимир. Ник задерживает дыхание.

– Родной, мы обсуждали эту тему много раз, давай не будем сейчас, – мягко вмешивается Елена, касаясь руки младшего сына. Тишина чуть затягивается, но отец, продолжая свои манипуляции с содержимым тарелки, обращается к Диане, которая молчала весь вечер.

– А ты кем работаешь?

– Я блогер и фитнес тренер, – улыбаясь и хлопая ресницами чуть чаще нужного, отвечает девушка.

– Это теперь считается профессией? – тон серьезный, он смотрит в тарелку, ковыряя салат.

– Пап, у нее аудитория почти десять тысяч и заработок отличный, – Антон с нежностью берет маленькую ладонь девушки, и накрывает своей огромной лапой.

– Учить людей жопу качать – благородно, ничего не скажешь! Амалия, ты тоже блогер? – он переключается на меня. Сглатываю.

– Она психиатр, – вклинивается мягкий баритон.

Владимир отрывается от салата и изучающе смотрит мне в глаза. Отвечаю тем же, стараясь не отвести взгляд от волнения. У этого мужчины глаза цвета черной дыры, пронизательные и «тяжелые».

– Ты врач? – утвердительно киваю.

Он переводит взгляд на Ника и поднимает палец вверх, давая свое одобрение, я полагаю. Впервые за вечер их отец не критикует. Видимо это одна из нескольких или вообще единственная причина, почему Ник предложил именно мне такую взаимовыгодную сделку. Улыбаюсь и делаю три больших глотка шампанского, морщусь от пузырьков и выдыхаю. Судя по всему, понравиться папе моего не настоящего парня действительно непросто и пока мне это удается. Но было бы здорово еще понравиться и самому парню.

Вечер становится чуть расслабленнее, может это связано с несколькими тостами от Антона, может Владимир был слишком голоден и раздражен, передавая всем состояние. Ник откидывается на стуле и я наконец-то слышу его смех. Мне тоже комфортнее, я забываю и о договоренности, и о миссии и об утекающем времени. Позволяю себе просто быть. Елена и Владимир очень уважительны друг к другу, они интеллигенты, образованы, интересуются современной культурой, много путешествуют. Ловлю себя на том, что наслаждаюсь обществом этих людей. И грустно думать, что это наша первая и последняя встреча.

– Амалия, ты на праздники в городе остаешься? – интересуется Елена.

Утвердительно киваю, запивая торт.

– Приезжайте с Ником на дачу на Рождество? Мы празднуем католическое. В понедельник ужин и останемся там до нового года.

Медлю с ответом, ведь план был только на один вечер. Ник взглядом спрашивает, не против ли я. Киваю. Я за.

– Конечно, мам, – улыбается он в ответ.

Предложение звучит как очередное одобрение, не могу сдержать улыбку. Диана с Антоном тоже подтверждают свое согласие. Елена радостно потирает ладони и говорит, что предвкушает чудесные праздники. Потом Антон помогает ей с посудой, а Ник с отцом уходят в кабинет. Диана оказывается приятной девушкой, мы немного говорим о разнице профессиональной литературы и популярного нон-фикшн. Девушка рассказывает о сложностях в работе, спрашивает несколько советов о мотивации и работе нервной системы.

– Амалия, – мое имя голосом Елены звучит мягко и элегантно, – позови ребят из кабинета, Антон с Дианой уезжают, проводим их.

Иду через холл по коридору, в дальнюю комнату. Продолжаю рассматривать детали интерьера, останавливаюсь возле одной из картин – на черном фоне переливающиеся нейроны головного мозга. Я знаю эту картину, ее автор Грег Данн, бывший ученый. Здесь – строение задней теменной коры, отвечающей за координацию движений. Интересно, откуда она у них? Задерживаюсь, чтобы рассмотреть получше. Нахожу сайт художника, оставляю в закладках, было бы здорово повесить такую в кабинете.

– Когда вы начали встречаться? – доносится из приоткрытой двери.

– Недавно.

– Она знает про Диану?

– Нет.

– Тебе же лучше, чтобы никто не узнал. Если еще раз увижу вас вместе, молчать не буду. Она – девушка твоего брата. Тебе что, мало девок для развлечения? Зачем с будущей женой брата спать?

– Все не так, пап. Она моя бывшая...

– Просто не вздумай продолжать, – я до боли сжимаю в руках телефон и боюсь пошевелиться.

– С врачихой серьезно?

– Вряд ли.

– Ну разберешься. Что с инвестициями? – пульсация в голове глушит голоса, медленно выхожу в общий холл.

Я – не чучело, а прикрытие. Щит, закрывающий постыдные связи. И это «вряд ли» – вишенкой на куче. Сердце превращается в шаманский бубен, тело мелко трясет. Поднимается злость. «Подонки, я для тебя шутка что ли?» – кричит Богиня, голосом Жириновского. Да, он мне ничего не обещал, мы договорились о помощи друг другу открыто и цивилизованно. Но боль предательства пронзает желудок. Кажется, меня сейчас стошнит. Как можно спокойнее, чтобы не привлекать внимание, иду в туалет. Холодная вода, жаль макияж мешает умыться. Полоскаю рот, дышу, смотрю в отражение. Стучу поочередно по плечам, чтобы помочь психике «переварить» услышанное. Информация тоже может отравить, сейчас мое тело реагирует на слова как на прокисшее молоко – пытается избавиться. Но не получится как с молоком, я не могу расслышать «зачем спать с будущей женой брата». Кишечник готов вывернуться наизнанку. Так, важно включить логику и анализ, иначе эмоции захлестнут с головой. А ревущая без повода Амалия на этом празднике жизни точно будет лишней. Довести уговор до конца, отыграть свою роль, улыбнуться на прощание и больше никогда их не видеть. Завтра это будет просто воспоминание, туман, нелепое совпадение. В целом, я делаю благое дело – помогаю сохранить пару Антона и Дианы. При мысли об этом передергивает. Сочувствую старшему брату, которого обманывает девушка, брат и отец, скрывающий правду. Это слишком сложно и драматично для моей скучной, последовательной жизни. Моя симпатия к Нику растворяется, как еще минуту назад я хотела ему нравиться? Теперь хочу ударить. Злость отличная эмоция, это сила на изменение ситуации. План на вечер был сказать ему о своих чувствах? Буду придерживаться плана. И как только выйдем, скажу все, что думаю. Субличности в полной боевой готовности. «Поехали!» – кричит Жириновский и я выхожу в холл.

Злость помогает удерживать улыбку пока мы прощаемся с Антоном и Дианой. Я глушу мысли и жду. Елена предлагает задержаться еще, картинно зеваю и смотрю на часы. Ник вызывает такси, родители уговаривают его съехать из отеля, тот отказывается. Мы прощаемся. Елена и Владимир выглядят счастливыми, на фоне мелькает мысль о двуличии, но вовремя вспоминаю, что я – первая в списке. Не настоящая девушка. Премия в студию. Не мне судить, у каждого свои мотивы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.